

Игра
в АНТИЧНОСТЬ

Игорь
Ягупов

Игорь Ягупов

Игра в античность

«Издательские решения»

Ягупов И.

Игра в античность / И. Ягупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857137-4

Этот роман — история античной пряжки, которая по легенде принадлежала когда-то богу красноречия и торговли, легкокрылому посланнику олимпийского сонма Гермесу. На перекрестках тернистой дороги времени много сотен лет передается она из поколения в поколение в одной греческой семье. В романе представлены художественно переосмысленные страницы истории российских греков.

ISBN 978-5-44-857137-4

© Ягупов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	32
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игра в античность

Игорь Ягупов

© Игорь Ягупов, 2017

ISBN 978-5-4485-7137-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Лекция заезжего профессора

– По улицам с неистовыми криками бежали радостные дети. Вслед за ними неслись ошалевшие от всеобщей суматохи взъерошенные собаки с безумно задранными хвостами. Испуганные женщины робко жались к стенам домов. А мужчины тем временем, побросав впопыхах свое оружие, через пролом в могучих крепостных стенах на веревках и катках втаскивали в город огромного деревянного коня. Так пала Троя... – стоявший за кафедрой высокий смуглый мужчина с жесткой щеткой густых темных волос поднял взгляд к окну и замолчал, точно погрузившись в раздумья, не имевшие никакого отношения к его лекции.

В институтской аудитории царил мягкий полумрак. Свет выключили, понадеявшись, очевидно, на серенький рассвет. И он действительно робко заглянул в лишенные штор окна, стараясь протиснуться сквозь них в узкую и длинную, как ученический пенал, комнату с расписанными философскими изречениями партами, криво висящей забеленной мелом доской и колченогой, похожей более на конторку деревянной кафедрой.

Но ветер пригнал с побережья желтоватые, как старое залежалое сало, тучи, из которых посыпал обильный снег, завиваемый все тем же ветром в неистовую метель. За окном тут же сгустились сумерки, затопив аудиторию тусклым призрачным светом, какой бывает в подвалах, когда от забитого наглухо цокольного окошка отдерут пару досок и сквозь запыленное и подслеповатое, как пивная бутылка, стекло прольются внутрь жалкие и испуганные лучики света, готовые при малейшей опасности выскользнуть наружу.

В аудитории потемнело. Но никто из студентов, кучками, как островки еще никем не открытого архипелага, рассеявшихся там и сям за партами, так и не решился встать, пройти к выключателю у двери и зажечь свет. То ли они побаивались малознакомого преподавателя, то ли просто ленились.

– Нет, мне нисколько ее не жалко, – имея в виду Трою, поморщился мужчина за кафедрой, все еще не сводя взгляда с окна. – Она должна была пасть. Так решили боги...

– Так это и есть наш Данай? – пробормотал себе под нос приютившийся на задней парте толстый, со всклокоченными седыми кудрями пожилой господин в помятом костюме.

Данай Эвклидович приехал за полярный круг из Питера. Здешний пединститут по какому-то гранту заманил его на пару недель прочесть студентам курс древнегреческой литературы. По институту ползли слухи о таинственной античной пряжке, которая досталась ему от предков и которая якобы в незапамятные времена принадлежала древнегреческому богу красноречия Гермесу. И вроде Данай Эвклидович кому-то ее уже показывал. Может быть, даже и студентам на одной из лекций. Но и без всякой пряжки, как шептались на кафедре литературы, история семьи заезжего профессора была весьма запутана и терялась корнями в сумраке столетий. И теперь любопытствующая местная профессура ходила послушать лекции столичного коллеги. На этот раз дошла очередь до профессора Кукушкина.

– В оранжевом хитоне, поверх которого накинута была лиловая хлена, бог красноречия Гермес стоял незримо рядом, – продолжил свой рассказ Данай Эвклидович. – И были с ним две самые могучие богини – рыжая и серебряная: величественная супруга владыки и бессмертных всех и смертных Зевса – Гера и воинственная и прекрасная пепельноволосяя Афина...

– С таким-то жаром о временах столь древних и, мягко скажем, едва ль ему знакомых. Усилие похвально, но подпорчено праздной фантазией, – снова пробормотал Кукушкин.

На этот раз его бурчание не осталось незамеченным. Мужчина за кафедрой гневно поднял одну бровь и метнул в коллегу-профессора острый, как стрела Артемиды, взгляд.

Кукушкин испуганно съезжился, всем своим видом показывая, что не позволит себе более ни единого замечания.

– В чреве деревянного коня было нестерпимо душно, – перешел от богов к затаившимся внутри хитроумного создания Афины греческим героям лектор. – Хитоны воинов промокли от пота. А кожаные ремни доспехов натерли тела, врезавшись в них, точно путы, которыми связывают пленников. Медь оружия бряцала всякий раз, когда конь вздрагивал, напрягаясь под напором веревок, на которых его втаскивали в город. Или когда он заваливался на бок, если служащее катком и подложенное под его основание неумелыми руками бревно вдруг выскальзывало. И этот медный звон грозил выдать героев. И кто бы, скажите, тогда помог им? Воины на греческих кораблях? Флот Эллады был далеко, за мысом. Так что в лучшем случае друзья смогли бы лишь отомстить за их гибель. Поэтому богов молили герои в тот миг о спасении и даровании победы. На богов надеялись они. Им одним вручали свои жизни и судьбы. Только на них уповали. И ничего другого им не оставалось. Они сжались в брюхе деревянного коня, вокруг них бесновалась враждебная толпа, на холме возвышался ненавидимый ими город, которым не могли овладеть они многие годы. И где-то в нем, наверху, во дворце Приама, в своей комнате тихо и безутешно плакала Кассандра...

Глава 2

Два филолога

Книги, книги, книги. В старых запыленных шкафах со стеклянными дверцами их было бесчисленно много. Шкафы эти окружали комнату с трех сторон, оставляя свободной лишь четвертую стену, где были окна, выходящие в узкий проулок – зажатый двумя рядами домов глубокий и вечно сырой колодец, да расступившись с противоположной стороны, чтобы освободить пространство для двери. Тяжелые, в потертых растрепанных переплетах, хранивших кое-где следы сусальной позолоты, книги башнями громоздились на расставленных в хаотическом беспорядке столах, затянутых коричневым дерматином, на котором тут и там виднелись чернильные пятна, оставшиеся с тех времен, когда шариковые ручки еще не были изобретены. Это книжное безумие напоминало водный поток, прорвавший своей мощью возведенную людьми плотину и наполнивший окрестные низменные земли. Неустойчивые пирамиды издательского буйства угрожающе раскачивались всякий раз, когда в коридоре или тем более в самой комнате раздавались чьи-нибудь шаги, отдававшиеся таинственным эхом под высокими, погруженными в вечный полумрак потолками.

Выше шкафов и в простенках между окнами виднелись выбеленные стены, похожие на меловые архаичные скалы, помнящие еще динозавров. Впрочем, слово «выбеленные» здесь означало лишь то, что когда-то их чуть ли не современники тех самых динозавров покрыли побелкой. Но за давностью лет она сменила свой белый цвет на желтый оттенок зубов заядлого курильщика.

Вокруг столов стояли стулья с высокими неудобными спинками и сиденьями все из того же неизбывного в казенных и бедных местах дерматина. Несколько пыльных шаров из матового стекла, свисающих с потолка на покрытых патиной медных стержнях, излучали тусклый, как лунное сияние, свет. Именно такой была кафедра литературы педагогического института одного из заполярных российских городов.

В тот вечер там находились двое. Один, тот, что моложе, был высоким и смуглым, его нос имел горбинку, а густые жесткие волосы были коротко острижены. Его античный профиль четко вырисовывался на фоне темного окна, за которым бесновалась отчаянная мартовская метель.

Второй мужчина был тучен, седые кудрявые волосы его были всклокочены, как будто за пару минут до этого он в раздумье запустил в них пятерню, а потом так и не пригладил. Помятый костюм в рисунке своих складок соотносился более с узором на спинке стула, нежели с изгибами тела, на которое был напаян, что выдавало в его владельце человека, привыкшего проводить дни за письменным столом. Вот и сейчас он склонился над кипой машинописных страниц, сидя в дальнем углу комнаты. Тишину, которая царила в помещении, можно было бы смело назвать гробовой, кабы не оглушительное тиканье настенных электрических часов, подвешенных над входной дверью.

Толстяк поднял голову, бросив быстрый взгляд на громогласный хронометр, а затем переведя его на своего более молодого товарища.

– Данай Эвклидович, что же вы домой не идете? – произнес он. – Скоро восемь уже.

– И что с того? – фыркнул заезжий лектор, уставившись на толстяка так, словно тот предлагал ему что-то абсолютно нелепое и даже неприличное для серьезного человека. – Куда мне идти? В съемную квартиру? Это мой дом на ближайшую неделю.

– Но здесь-то чего сидеть, в пыльном помещении? – пожал плечами толстяк.

– А вы... – заезжий лектор замялся, не зная, очевидно, имени своего собеседника.

– Кукушкин Павел Борисович, – с готовностью подсказал толстяк. – Я был у вас сегодня на лекции.

– Да, я помню, – хмыкнул заезжий лектор, вернувшись затем к своему так и не заданному вопросу: – А вы, Павел Борисович, чего сами-то припозднились?

– Я, Данай Эвклидович, студентку жду, – охотно сообщил Кукушкин. – Она мне зачет по античке придет сдавать.

– Понятно, – протянул его собеседник.

Он хотел еще что-то добавить, но его прервал робкий стук в дверь, напоминавший более поскребывание мелкой и не слишком избалованной своими хозяевами собаки.

– Наверное, ваша студентка, – предположил институтский гость. – Хорошо учится?

– Да ничего, старается, – понизив голос, чтобы его не было слышно за дверью, пробормотал Кукушкин и добавил уже громко, адресуясь к позднему посетителю: – Да-да, входите, пожалуйста.

– А можно, я вашу студентку поспрашиваю? – поспешно, заговорщически подмигнув при этом своему коллеге, предложил Данай Эвклидович.

– Пожалуйста, профессор, – торопливо, точно спохватившись, закивал Кукушкин, – буду только рад.

Тем временем дверь открылась, и в комнату, освещенную подслеповатым светом ламп-шаров, вошла худенькая девушка в джинсах и свитере. Под мышкой она с трудом удерживала несколько толстых книжек.

– Павел Борисович, можно? – осведомилась она.

– Давай, давай, Юля, проходи, – подозвал ее Кукушкин.

Девушка сгрузила книги на стол, за которым сидел пожилой профессор, присовокупив их к внушительной стопке уже лежавших там фолиантов, и, скрипнув старым рассохшимся стулом, присела напротив преподавателя, оставив на него опасливый взгляд серых глаз.

Сам же Кукушкин, взмахнув обеими руками, как будто хотел, чтобы гость разделил с ним трапезу, пригласил своего коллегу приступить к экзаменовке. Тот с готовностью подхватил ближайший стул и подсел к общему столу.

– Профессор Астахов, Юленька, вас поспрашивает, – пояснил Кукушкин девушке, которая от этого, как казалось, испугалась еще больше.

Поиграв немного желваками, словно разминаясь перед сложным артикуляционным упражнением, Данай Эвклидович задал студентке, в глазах которой отражался теперь уже полнейший ужас человека, приговоренного к смертной казни и переданного конвоирами в руки палача, свой первый вопрос:

– Скажите-ка мне, что вы вообще знаете о греческом пантеоне?

– Ну, – задумчиво протянула несчастная студентка, кусая нижнюю губу, а затем, собравшись, очевидно, с мыслями, заговорила почти нараспев: – На золотом троне на самой вершине седого Олимпа восседал Зевс Громовержец, владыка и бессмертных и смертных. Его супругой была величественная богиня Гера, покровительница брака...

– Так, так, – весьма оживившись, прервал ее Астахов, – очень хорошо, что вы заговорили о браке. А брак Зевса и Геры был удачным? Как вы считаете? Вас ничего в нем не смущает?

– Зевс был могуч и суров, – закатив глаза, точно желая отбить славу у Гомера, с завываниями заголосила студентка. – Однажды, когда Гера ослушалась его, он подвесил ее между небом и землей...

– Ладно, ладно, – вновь прервал ее Астахов, – эка невидаль. Сколько мужей подвешивают своих жен между небом и землей. Особенно, если выпьют. Вспомните лучше о другом: будучи женой Зевса, Гера доводилась ему еще и...

– Сестрой, – выпалила девушка, упершись измученным взглядом в огромный живот профессора Кукушкина.

– Правильно, – только что не захопал в ладоши, как казалось, весьма обрадованный таким ответом Данай Эвклидович. – Кровосмешение получается.

– У него не было выбора, – вдруг огрызнулась девушка, явно почему-то симпатизирующая Громовержцу.

– Выбор-то был, – поправил ее Астахов. – Например, Афродита – дочь Урана и...

– Пены морской, – брезгливо поморщилась девушка, уже освоившись в ситуации, а потому осмелев. – Наверное, у Зевса была аллергия на морепродукты.

– Возможно, – хмыкнул питерский профессор. – Так или иначе, но, имея выбор, пусть даже и с перспективой регулярного приема противоаллергических препаратов, Зевс все же женился на своей родной сестре Гере. Давайте теперь поговорим об их детях. Общих, я имею в виду. Кого вы знаете?

– Гефеста, например, – после секундного замешательства выпалила явно шокированная во вкус столь необычной сдачи зачета Юля, – бога огня, бога-кузнеца...

– Оставим в стороне его профессиональные достоинства, – махнул рукой Астахов. – Что можете сказать о его внешности?

– Урод, – не задумываясь, брякнула девушка, но затем поправилась, боясь, очевидно, вызвать неудовольствие преподавателей столь категоричной оценкой: – Он был хромой, некрасивый, мощный и коренастый выше пояса, но со слабыми ногами...

– Верно, – тут же обрадовано подхватил Астахов. – А не явилось ли его уродство, как вы точно заметили сначала, следствием того, что он был рожден от брака близких родственников?

– Ой! – только и смогла выдохнуть девушка, укоризненно поглядев на профессора.

– То-то и оно! – хмыкнул тот. – Кто еще был сыном Зевса и Геры?

– Арес, – уже предчувствуя недоброе, с несколько вопросительной интонацией выдавила из себя несчастная студентка.

– Правильно, – глаза Астахова блеснули. – Что можете сказать о нем? С точки зрения поведения, я имею в виду. С внешностью у него все было более или менее в порядке.

– Он был злобен, любил войну. Кровь и смерть доставляли ему радость... – загибая пальцы со следами пасты от шариковой ручки, начала перечислять девушка.

– Великолепно, – искренне обрадовался ее экзаменатор. – А теперь, с учетом все того же кровосмешения, сделайте вывод. Смелее, смелее, вы же изучали медицину и психологию.

– Поведение достаточно неадекватное, – опять почему-то воодушевилась студентка. – Излишняя кровожадность, жажда насилия. В общем, явные поведенческие девиации. Точнее сказать не могу. Но вполне возможно, что это связано с генетикой.

– Умница, – расхохотался Астахов, по-видимому, только и ждавший подобного ответа, – просто умница. Стоит ли после этого удивляться, что своих общих детей, рожденных, скажем мягко, от нехорошего брака, божественная царствующая чета не любила больше всех обитателей Олимпа? Помните, Гера даже пыталась убить младенца Гефеста, сбросив его с вершины? Отчего он, собственно говоря, и охромел. Ареса же Зевс все время называл самым ненавистным из всех своих детей...

– И он все время позволял Афине его обижать, – поддакнула студентка, решив, очевидно, перехватить инициативу и показать свои знания, чтобы не остаться без зачета. – Например, Афина направила удар героя Диомеда, и тот ранил бога войны своим медным копьем.

– Точно, было такое дело во время осады Трои, – закивал Кукушкин. – Без Афины старине Диомеду Арес явно был не по зубам...

Поймав на себе кинжальный взгляд своего более молодого коллеги, Кукушкин осекся.

– А теперь, – продолжил Астахов, – давайте вспомним о том – это опять-таки к вопросу, могла ли Гера быть счастлива в браке, – что вместе с ней, Зевсом и их общими детьми, с физическими, заметим попутно, и психическими отклонениями...

– Жертвами кровосмешения, – вставила твердо решившая получить зачет Юля.

– Жертвами кровосмешения, – согласился Астахов, вернувшись затем к прерванной мысли. – Вместе с ними на Олимпе жили дети Зевса от других женщин и богинь.

– Мне бы такое не понравилось, – поморщилась студентка.

– Давайте-ка сходу, кого можете вспомнить? – подзадорил ее Астахов.

– Близнецов Аполлона и Артемиду. Их матерью была Латона, – поняв, что для нее настал момент истины, который склонит мнение экзаменатора относительно ее знаний в ту или иную сторону, начала перечислять студентка. – Гермес был сыном Майи, Дионис – сыном Семелы. Ну и сама Афина, конечно. Уж вообще бог знает от кого. Она родилась из головы Зевса.

– Здорово, – восхитился Астахов. – Вот это знания! Павел Борисович, коллега, я вас прошу: поставьте скорее девушке зачет. И не сомневайся в том, что она его заслужила.

Кукушкин озадаченно взял в руки тут же услужливо подsunутую ему студенткой зачетку. Достав из кармана ручку, он пристроил серую книжицу на свободном от бесчисленных фоллиантов краешке стола и почти машинально заполнил пустующую графу.

– Спасибо, Павел Борисович, огромное спасибо, – прижав зачетку к груди, пробормотала студентка.

Схватив в охапку так и не пригодившиеся ей тома, в которых древние поэты рассказывали о богах и послушных их воле героях, чьи имена благодаря этим самым поэтам стали достоянием вечности, она пулей выскользнула из плохо освещенной комнаты.

– Ну? – победоносно вскинув голову, многозначительно произнес Астахов.

– Лихо, – хихикнул Кукушкин. – Я готов признать, что отношения в сонме богов-олимпийцев были непростыми. Но свести всю античную литературу лишь к этому!

– Бросьте, коллега, – отмахнулся от него Астахов. – Литература должна быть живой. Знаете, я иногда чувствую какую-то сопричастность. Трудно объяснить. Но кажется порой, что оттолкнусь от земли и полечу.

– Как Гермес? – хмыкнул Кукушкин.

– Ага, как Гермес, – как-то по-мальчишески хихикнул Астахов.

– Так это корни в вас говорят, – развел руками старый профессор и добавил несколько смущенно: – Могу я полюбопытствовать: откуда у вас такая что ни на есть российская фамилия при столь, как я бы сказал, античных имени и отчестве?

– Да, корни, – задумчиво протянул Астахов, словно не расслышав вопроса своего собеседника, – по отцовской линии. Отца нет уже шесть лет. Или семь? Время быстро летит. Простите, вы насчет фамилии спрашивали? Тут темная история. Я и сам толком ничего не знаю. Фашисты, оккупация, НКВД, репрессии – там всего намешано предостаточно. Мои дед с бабкой жили в Мариуполе. И пропали без вести в войну, перед оккупацией. Греков тогда депортировали. Вывозили эшелонами в Среднюю Азию. Да только мои дед с бабкой, как я выяснил – отец-то мой во всю эту историю не очень вникал, – туда вроде и не приезжали. То есть из Мариуполя их вывезли, а в Фергану они не прибыли. Или бумаги затерялись. Да вместе с бабкой, дедкой и их дочкой – сестрой моего отца. А его самого спасло то, что мать оставила его в Мариуполе в русской семье. Он тогда младенцем был. Побоялась она везти малыша в теплушке через всю страну. А Астаховы его приютили. Отсюда и фамилия. Такие вот повороты судьбы.

– Да, всякое бывало тогда, – вздохнул Кукушкин, протирая стекла очков чистеньким платочком, что достал он из кармана.

– Вырастили, как родного сына, – продолжил Данай Эвклидович, – Николаем назвали. Он, собственно, так Николаем и звался всю жизнь. Это уж я себе отчество переправил в память о предках. Отец, повторюсь, семейными корнями не очень интересовался. Равно как и реликвией нашей семейной. Той самой античной пряжкой, о которой вам наверняка уже кто-нибудь рассказал. А отец мой – то ли не чувствовал он эту самую связь времен, то ли просто слишком поздно обо всем узнал.

Глава 3

Трудный разговор

– Сынок, зайди ко мне, – позвал седой мужчина.

Он сидел на диване в тесно заставленной комнате и вертел в руках какую-то коробочку.

– Чего, батя? – в дверях показался высокий смуглый молодой человек в футболке и полинялых тренировочных штанах.

– Поговорить надо, – словно через силу выдавливая слова, сказал мужчина.

– Батя, я на море хотел сбежать, – замотал головой молодой человек, – искупаться. Может, вечером, а?

– Вечером? – как будто даже с облегчением переспросил мужчина, но потом, вновь добавив нажим в голос, продолжил: – Нет, Коля, море от тебя никуда не денется. А я этот разговор давно откладывал. Удели уж мне немного времени.

– Да уж уделю, – добродушно фыркнул молодой человек, зайдя в комнату и присев рядом с отцом на диване. – Что случилось?

– Вот, смотри, – неловким движением мужчина открыл коробочку, которую держал в руках, достал из нее какой-то блестящий предмет и протянул сыну.

– Что это, брошка? – хмыкнул молодой человек, вертя в руках изогнутую дугой золотую вещицу.

– Пряжка, – буркнул мужчина, словно оттягивая дальнейшие объяснения и давая себе тем самым время собраться с мыслями, – мне так говорили.

– Работа классная, – снова хмыкнул молодой человек, разглядывая украшение, по выпуклой золотой дуге которого, взявшись за руки, бежали в бесконечном хороводе прекрасные юноши и девушки. – Это я тебе как профессионал говорю.

– Коля, да ты же у нас на литейщика учишься в институте, а не на ювелира, – расхохотался мужчина, который, похоже, рад был отвлечься еще хоть на пару минут от неизбежной и явно неприятной ему темы разговора.

– Я и говорю как литейщик, – тоже захохотал в ответ молодой человек. – Литье отличное, тонкое литье.

– Да, – вновь посерьезнев, согласился мужчина, – греческое. Античное. Говорят, эта пряжка принадлежала самому богу Гермесу.

– Чего? – вновь расхохотался молодой человек. – Это который летал на своих крылышках? Мы в школе проходили. Помню.

– Сандалии у него были крылатые, – как-то нехотя поправил юношу мужчина.

– Ах да, сандалии, – хмыкнул молодой человек. – Батя, какой Гермес? В прошлом году человек в космос полетел. Вот это сила! Ты бы лучше Юрию Алексеевичу Гагарину про своего Гермеса рассказал. Чтобы он посмеялся. Думаю, он на орбите никакого Гермеса не видел.

Седой мужчина в ответ через силу улыбнулся.

– Ты эту брошку маме купил? – поинтересовался молодой человек.

– Нет, – отмахнулся мужчина.

– Ольке, что ли? – продолжил свой допрос молодой человек, все еще вертя тяжелую золотую пряжку в руке.

– Это тебе, – пробормотал мужчина и тут же поправился: – Твоя она.

– Мне купил? – растерянно переспросил молодой человек. – Зачем?

– Да не купил я ее, – нахмурился мужчина. – Я же сказал: древняя вещь. Где ее купишь? Повторяю: твоя она, твоей семье принадлежит.

– Нашей семье? – снова переспросил молодой человек.

– Твоей, – упрямо повторил мужчина и, словно с разбегу кинувшись в холодную воду, быстро и строго произнес: – Ты меня, Коля, выслушай и не перебивай. Ладно? Потом можешь вопросы задавать. Но сейчас дай мне сказать. А то я собьюсь и так и буду мямлить.

– Хорошо, батя, – кивнул молодой человек, явно напуганный серьезным тоном отца, – молчу.

– В общем, так, – обреченным голосом начал мужчина, – я тебе не родной отец. И мать...

– Тоже не мать? – хмыкнул молодой человек, пытаясь, очевидно, разрядить обстановку.

Но его шутка явно не удалась. Мужчина лишь вздохнул, упрекая юношу в нарушении обещания хранить молчание, и продолжил:

– Мы для тебя приемная семья. А твои настоящие родители – греки – были нашими соседями. До войны еще. Квартиру эту, как ты и сам помнишь, мы получили, когда я в отставку вышел, и мы с Севера вернулись в Мариуполь. Вернее, в Жданов уже. А до войны мы жили в частном доме в старом городе. А они рядом – родители твои: Никифор и Дориса. И твоя сестра Майя. А тебя звали не Николаем, а Эвклидом.

– Как? – растерянно, но все еще стараясь сохранить некую иронию в голосе, переспросил молодой человек.

– Эвклидом, – повторил мужчина. – Ты тогда младенцем был. Так что ничего не помнишь. Когда перед оккупацией греков вывозили из Мариуполя, твоя мать, настоящая мать, я имею в виду, отдала тебя моей жене Татьяне. Я тогда на фронте был. Впрочем, мое возвращение ты уже и сам помнишь. Большой был. Отдала она тебя, чтобы ты не пропал по дороге. Выжил, значит, чтобы. Так что ты ее за это винить не должен. Она тебя спасала. Это мать. И пряжку эту она отдала Татьяне вместе с тобой. Вещь старинная. В их семье она передавалась из поколения в поколение. И по легенде...

– Я помню, принадлежала богу Гермесу, – перебил мужчину молодой человек. – Да бог с ней, с пряжкой этой. Ты мне про семью мою греческую расскажи. Куда она делась-то?

– Этого я не знаю, – с усилием произнес мужчина. – Не вернулись они. Сгинули где-то. Может, в Средней Азии так и остались. Греков туда вывозили. Но только я думаю, что нет их в живых. Мать бы тебя все равно нашла. Пешком бы пришла из Узбекистана, но вернулась бы.

– Понятно, – бесцветным голосом произнес молодой человек. – Знаешь, батя, если бы не твой серьезный тон, я бы решил, что ты меня разыгрываешь.

– Прости, сынок, – пробормотал мужчина, низко опустив голову, словно старался рассмотреть какой-то мелкий предмет, оброненный на пол.

– А что же вы с мамой раньше ничего мне не рассказали? – поинтересовался молодой человек.

– Прости, сынок, – снова пробормотал мужчина.

– Да что ты все извиняешься? – перебил его молодой человек. – Я ж ни в чем тебя не виню. Я просто говорю: можно же было раньше мне все это рассказать.

– Сначала нельзя было, – устало, но с некоторым облегчением от того, что самое трудное уже было высказано, замотал седой головой мужчина. – Не те времена были, страшные времена. Тогда бы ни меня, ни всю нашу семью за такое по головам бы не погладили, не наградили. Тогда сажали за все: за то, что в плену был, что в концлагере фашистском выжил, что на соседа не донес. А тут – укрывательство сына врага народа! А когда все стало проще, я уже сам боялся. Не энкавэдэшников теперь, а того, как ты это воспримешь. А мать твоя тем паче боялась. Когда, сказала, сможешь, тогда и говори обо всем сыну. А я, сказала, при этом даже присутствовать не хочу. Сердце, сказала, не выдержит. Да и у меня уже сколько лет язык не поворачивался. Ты прости меня. Трус у тебя отец, сынок.

– Ты, батя, не трус, – обхватив мужчину за плечи, дрогнувшим и разом севшим голосом произнес молодой человек, – ты кадровый офицер, герой войны. Ты нашу советскую родину от фашистов спас. Не тебе в этой жизни перед кем бы то ни было извиняться.

– И все же подкачал твой батя. Да и не батя даже получается... – мужчина осекся, и на его глазах заблестели коварные слезы.

– Так мне тебя Степаном Петровичем теперь прикажешь называть, да? – огрызнулся молодой человек.

– Это уж, сынок, как тебе удобнее будет, – пробормотал мужчина. – Я все приму.

– Батя, да ты что, совсем расклеился, что ли? – затряс молодой человек мужчину за плечи. – Ты для меня единственным отцом был и будешь всегда. А мама – мамой. Других родителей я не знаю. Может, они не захотели меня искать, может, погибли. Да только разница невелика. Нет их. Вы у меня одни есть. И Олька с Андрюхой, конечно. И чтобы больше все эти нюни ты мне здесь не разводил. Понял?

– Понял, сынок, – с готовностью кивнул седой мужчина, украдкой утирая кулаком глаза.

– И матери скажи, чтобы не дурила, – продолжил молодой человек. – Не о чем тут разговаривать. Скажешь?

Мужчина снова с готовностью кивнул.

– Только и ты уж мне одну вещь пообещай, – продолжил он.

– Какую? – недоверчиво переспросил молодой человек.

– Пообещай, что расскажешь о греческих своих корнях детям, – твердо произнес мужчина.

– Сам и расскажешь, – озорно прищурившись, фыркнул молодой человек. – Я в холостяках долго засиживаться не собираюсь.

– Обещай, – серьезно повторил мужчина. – Это память будет о родителях твоих настоящих...

– Я же сказал тебе, что... – перебил его молодой человек.

– Я помню, сынок, – продолжил мужчина. – И ты нам родной – был и всегда будешь. Но только твои настоящие родители не воспитали тебя не по своей вине. Такое время нам всем досталось. Спасли они тебя, я так думаю. И ты должен это знать и помнить. И детям своим расскажешь. Так будет правильно. И пряжку эту им передашь. Обещаешь?

– Хорошо, батя, – кивнул молодой человек, все еще вертя золотую пряжку в руке, – давай коробочку, что ли? Положим вещицу.

Глава 4

Прощание с Меотидой

– Мама, где коробочка моя? – крикнул смуглый юноша с жесткой щеткой непокорных волос. – Слышишь, мам?

– Какая коробочка? – в комнату вошла женщина в фартуке и с разливочной ложкой в руке.

– С пряжкой античной, – взмахнул руками юноша, раздраженный непонятливостью матери. – Как будто у меня много всяких коробок.

– Не знаю я, у отца спроси, – вздохнула женщина.

Она явно не разделяла озабоченность сына по поводу античной пряжки.

– Отец только вечером со смены вернется, а я вещи собираю, мне ехать завтра, ты же знаешь, – затараторил юноша.

– Не пропадет твоя пряжка, – отмахнулась от сына женщина. – Куда ей деться? Чего она тебе вообще так срочно понадобилась?

– Я ее с собой в Ленинград хочу взять, – неохотно пробурчал юноша.

– А нужно ли? – как будто даже немного испугалась женщина. – Даня, ты же еще только поступать едешь. Вдруг провалишься?

– Не провалюсь, – гневно блеснул глазами юноша, явно оскорбленный материнским неверием в его силы.

– Пусть так, – согласилась с сыном женщина. – Но все равно: общежитие, экзаменационная суета. Все незнакомое, все новое. Возьмешь да и потеряешь где-нибудь. Или украдет кто. Вещь-то древняя.

– Мама, неужели ты можешь подумать, что я потеряю пряжку, которую носил когда-то на своем плаще сам бог красноречия Гермес? – взвыл от материнского непонимания юноша.

– Так уж и Гермес, – хмыкнула мать.

– Так уж и он! – передразнил ее юноша. – Ты, как и отец, ни во что не веришь. Даже деда с бабкой я искал, а не он.

– Не нашел ведь, – вздохнула женщина. – Не судьба, значит.

– Не нашел, – вздохнул юноша. – Как в воду канули.

– У отца надо спросить, – вернувшись к прежней теме разговора, произнесла женщина.

– Что спросить? – не понял юноша.

– Можно ли тебе пряжку эту в Ленинград с собой брать. Все-таки семейная реликвия, – как-то не очень уверенно, опасаясь, очевидно, нового всплеска сыновнего гнева, пояснила женщина.

– А! – протянул юноша. – Да, конечно, спроси. Вместе спросим. Да только ты же сама знаешь, что он разрешит. Потому что ему все равно. Он даже имя себе возвращать не стал. Так и остался Николаем.

– Его приемные родители... – начала было женщина.

– И что? – оборвал ее сын. – Я что, деда с бабкой не люблю, что ли? Дед с бабкой у меня золотые. Слов нет. Но только и о прошлом надо помнить. Греки мы или нет?

– Греки, – вздохнула женщина. – Кто бы спорил. Назвали же мы тебя Данаем. Тоже было непросто. Нас с отцом потом в райком комсомола вызывали. Спрашивали: что мы имели этим в виду.

– Знаю, рассказывала ты, – фыркнул юноша. – Конечно, греки и Меотида – две вещи несовместные! Откуда нам здесь взяться?

– Что ты меня-то спрашиваешь, сын? – возмутилась женщина. – Такие времена были. А до этого еще страшнее. Тут тебе не твои грифоны с горгонами – тут товарищи похлеще заправляли. Не всегда можно было даже упоминать, что ты грек. Брата моего, когда в армию забирали, русским записали. Не рыпайся, сказали, и молчи. Нет, сказали, в Мариуполе никаких греков. Есть один советский народ.

– И это знаю, мама, – пробурчал юноша. – Но должно же что-то остаться в нас? Мы же... – тут юноша осекся, а спустя мгновение, раздраженно вскинув голову, бросил матери: – Нельзя же быть просто литейщиком, как отец!

– А что здесь плохого? – пожала плечами женщина. – Зарплата на заводе неплохая. Шел бы и ты в наш металлургический институт. По стопам отца, а? Чего тебя несет на этот филологический. Да еще в Ленинград?

– Не знаю, – растерянно пробормотал юноша, как будто слова матери застали его врасплох, впрочем, он тут же продолжил уже более уверенно: – Это я насчет Ленинграда. Хочется почему-то именно туда. В университет. А насчет литейщика, то это точно не мое. Ты же знаешь, мне с детства снились мои греческие боги и герои древности. Как отец мне в пять лет эту пряжку показал, так я и заболел этим.

– Так и живи здесь, в Мариуполе, – развела руками мать. – Возле Меотиды своей любимой. Чего тебе ехать бог знает куда? Дед с бабкой вон прожили десять лет на Крайнем Севере. Снег да мрак. Слышал ты их рассказы.

– Ленинград – это тебе не Заполярье, – огрызнулся юноша. – Не хочу я быть литейщиком.

– Оставайся, – пробормотала мать. – Аттестат у тебя дай бог каждому. На любую специальность здесь пройдешь. Не обязательно на литейщика учиться.

– Ага, на сварщика тогда? Велика разница! – хмыкнул юноша.

Роясь в ящиках письменного стола, он все-таки обнаружил то, что так долго искал.

– Вот же она! – юноша достал из коробочки золотую пряжку и радостно протянул ее матери. – Смотри, мам, пряжка Гермеса!

– Да видела я, – отмахнулась мать, но добавила, невольно завороженная дивной работой древних мастеров: – Красивая.

– Пряжка крылатого вестника богов, – пробормотал юноша. – Знаешь, мам, мне в детстве часто казалось, что еще чуть-чуть – и я полечу. Многие, говорят, во сне летают. А мне наяву мерещилось. Как остановлюсь возле обрыва или просто на морском берегу, так и кажется – оттолкнусь сейчас от земли и взлечу, побегу по воздуху все быстрее и выше. Как славный бог Гермес...

Глава 5

Таинственный поход в лес

Серенький бледный субботний заполярный рассвет давно сдал вахту розовощекому и заполюшному, как подросток, мартовскому дню. А тот, быстро пресытившись играми на свежем морозном воздухе, охотно уступил бразды правления сиреневому томному закату. Солнце спряталось за горизонт. И только один его лучик решил остаться еще на мгновение, чтобы как следует разглядеть засыпанные снегом дворы, дома в белых шапках все того же снега, машины, осторожно пробирающиеся по тоннелям улиц, людей, праздно гуляющих в этот весенний вечер или спешащих куда-то по своим делам.

Один из них, будь луч более внимательным, наверняка должен был привлечь его внимание. Это был полный, с пухлыми, розовыми, точно у младенца, щеками пожилой мужчина в пальто и каракулевой шапке пирожком, из-под которой выбивались седые всклокоченные пряди кудрявых волос. За плечами у него был рюкзак, который никак не вязался ни с потертым кашемировым пальто, ни с той самой шапкой, ни даже с самим возрастом этого человека. К рюкзаку приторочен был старый солдатский котелок, почерневший от застарелой и несмываемой, как южный загар, копоти. Причем направлялся пожилой мужчина напрямиком в сторону леса.

Поздновато для пикников! Вот что должно было насторожить более внимательный луч, заставить его пристальнее присмотреться к необычному прохожему. Ведь то, что может считаться обыденным мартовским утром, мартовским же вечером должно вызывать массу вопросов. К сожалению, их просто некому было задать. Луч, скользнув мельком по странному путешественнику, отвернулся от него, отвлеченный огромным грузовиком, который намертво застрял в глубоком снегу при выезде со двора на улицу и перегородил дорогу всем другим машинам...

Сопки начинались прямо за домом. Осторожно, с запасом обойдя застрявший в разъезженной колее грузовик, отчего ему пришлось по самые колени залезть в нетоптанный снег, профессор Кукушкин, а незнакомцем с котелком был именно он, выбрался на улицу. Оглядевшись по сторонам, он поспешно пересек ее и по тропе, проложенной собачниками – в этом не приходилось сомневаться, ибо следы их четвероногих питомцев были повсюду, – отправился в близлежащий лесок.

– Он заслужил, – бормотал пожилой профессор, то ли обращаясь к самому себе, то ли оттачивая аргументы для будущего оппонента, – заслужил. Я так им всем и скажу. Как ни крути, а надо все рассказать. Иначе нельзя. Время пришло. Я в этом уверен. И никто меня не убедит в обратном.

Бормоча все это, Кукушкин по плавно идущей в горку тропе все больше углублялся в лес.

– Собаку, что ли, потерял, отец? – окликнул его притормозивший недалеко от него лыжник.

– Подвальный кот тебе отец, – огрызнулся шепотом Кукушкин, а в полный голос крикнул: – Почему собаку?

– Так а чего здесь ходить-то без лыж да без собаки? – искренне удивился лыжник, который, очевидно, рад был возможности сделать привал.

– Может, гуляю я? – хмыкнул Кукушкин на ходу.

– А котелок тебе, отец, зачем? – поинтересовался лыжник, разглядев амуницию профессора.

– Собака от меня на лыжах ушла, – огрызнулся Кукушкин. – Как поймаю, так сразу в котел ее. И сварю. Исключительно в назидание остальной псарне. Понятно?

– Шутник, – буркнул лыжник, потеряв интерес к явно не склонному к разговорам незнакомцу.

А Кукушкин продолжил свой путь в лес...

Глава 6

Неожиданный посетитель

В ближайшее воскресенье, предусмотрительно разузнав накануне у секретаря кафедры адрес квартиры, которую институт снял для Даная, и прихватив бутылку дорогого коньяка, профессор Кукушкин отправился к временному пристанищу своего коллеги. И уже спустя каких-нибудь пятнадцать минут – благо, жил неподалеку – он стоял перед обитой дерматином дверью.

Ему долго не открывали. Но Кукушкин настойчиво продолжал вдавливать в коробочку кнопку звонка. Наконец за дверью послышались шаги, и на пороге появился явно заспанный Данай, очевидно, разбуженный профессорским трезвоном.

– День добрый, Данай Эвклидович, – только и смог выдать Кукушкин, добавив затем не без некоторого ехидства: – Никак не думал застать вас спящим в такое время.

– А что тут еще делать в выходные? – не очень приветливо пробурчал все еще сонный питерский гость.

– И то верно, – почему-то радостно, как будто ждал именно такого ответа, воскликнул Кукушкин. – Я как раз по этому поводу и пришел.

– Да, проходите, коллега, окажите любезность, – вспомнив о правилах хорошего тона, пробормотал Данай, сторонясь и тем самым предлагая Кукушкину зайти.

– С большим удовольствием, именно так, – затараторил Кукушкин, двинувшись внутрь неуютно, как-то казенно обставленной квартиры.

– Павел Борисович? – явно приободрившись при виде коньяка, который пожилой профессор, когда раздевался, поставил на стоящий в прихожей стул, произнес его столичный коллега.

– Он самый, – с готовностью подхватил Кукушкин, восприняв вопросительный тон Даная, как намек на то, что тот не уверен, правильно ли запомнил его имя и отчество, – он самый.

– Да, конечно, я помню, – как-то по-детски смутился Данай. – Я хотел сказать, что лучше, наверное, на кухне расположиться. В комнате бардак у меня, каюсь.

– Разумеется, – закивал Кукушкин и тут же уточнил: – Я не о бардаке, а о кухне. Кухня – то, что надо.

С этими словами он извлек из кармана уже водруженного на вешалку пальто огромный, как глаз сказочного дракона, лимон.

– Проходите, – жестом показал ему путь на кухню Данай. – А я, если позволите, пойду и приведу себя со сна в порядок.

С этими словами хозяин квартиры отправился умываться. Кукушкин же с уверенностью старого холостяка прошел на кухню. К тому моменту, когда Данай вышел из ванной, закончив утренний ритуал, на сковороде уже жарилась яичница, разбрасывая вокруг себя трескучие капельки масла. А на столе, в окружении лимона, нарезанного ломтиками и посыпанного сахаром и отыскавшимся в шкафу молотым кофе, стояла бутылка коньяка.

– Ух ты! – изумился подобной домовитости своего гостя Данай.

– Даже не смейте говорить, что не будете пить коньяк, – нахмутив густые брови, замахал на него руками Кукушкин.

Данай сел за стол, явно довольный тем, что Кукушкин полностью взял бразды кухонного правления в свои большие красные руки, и только изредка, ловя на себе вопросительный взгляд профессора, подсказывал:

– Тарелки вон там. Да, на верхней полке буфета... Соль? А вы что же, яичницу не посолили? Соль здесь, в шкафчике...

– Да, не посолил, – развел руками Кукушкин, – не хотел вам мешать бриться. А сам не нашел. Ничего, так посолим, готовую. Вот уж нашли из чего проблему делать. Открывайте-ка лучше коньячок, доставайте рюмки, стопки. Что там у вас есть?

Данай с готовностью вскочил на ноги и заметался по кухне в поисках подходящей посуды.

– Как вам наш город? – спросил Кукушкин, пока Данай, вскрыв бутылку, разливал коньяк по разномастным рюмкам, которые он не без труда добыл из какого-то шкафчика.

– У меня здесь дед с бабкой после войны лет десять прожили, рассказывали. Дед кадровый военный был, – пробормотал Данай.

– А сами не бывали ранее? – поинтересовался Кукушкин.

– Нет, как-то не доводилось, – хмыкнул Данай и поспешно, опасаясь обидеть в Кукушкине краеведа, дежурно добавил: – Город у вас замечательный. И люди тоже.

– Город как город, – пожал плечами Кукушкин. – Вы не бойтесь, я, знаете ли, не патриот малой родины. Сам с юга. Хотя живу здесь давно. Очень даже. Ну, давайте, Данай Эвклидович, за знакомство!

Коньяк оказался хорош. Разойдясь по профессорским телам приятным теплом, он настроил обитателей кухни на неспешный и обстоятельный разговор.

– Я, Данай Эвклидович, любопытствовать хочу, – начал Кукушкин.

– Просто Данай, коллега, – похлопал его по руке собеседник. – Не люблю я все эти отчества. Студентам, конечно, положено. Субординация и всякое такое. Чтобы держать необходимую дистанцию. Но в дружеском общении, я вас умоляю!

– Спасибо, коллега, – в знак благодарности кивнул Даная Кукушкин. – И все же вернусь к своему любопытству. Грешен, знаете ли.

– Любопытство, как известно, не порок, – хмыкнул Данай.

– Может, и так, – улыбнулся Кукушкин и после небольшой паузы продолжил: – Подозреваю, что просьба моя вам уже и самому понятна. Уж больно много разговоров ходит на кафедре о вашей семейной реликвии. Не покажете старику?

– Пряжку-то? – фыркнул Данай. – Чего ж не показать. Я и сам на нее каждый раз смотрю с удовольствием. Одну минуточку, Павел Борисович.

Данай сбегал в комнату и принес драгоценность. Он положил ее на стол прямо перед Кукушкиным. И прекрасные юноши и девушки, точно только того и ждали, вновь пустились плясать в бесконечном хороводе по ее золотой поверхности.

– Красотища! – восхищенно протянул Кукушкин, разглядывая древнегреческую реликвию.

– Отец в детстве мне рассказывал, – пробормотал Данай за его плечом, – что давным-давно наш предок привез ее из Эллады. Когда отправился далеко на север, на самый край Ойкумены, в Тавриду. А отцу об этом рассказала мать. Его приемная мать, я имею в виду. А та узнала это от его настоящей матери, моей бабки, когда та оставила его ей на попечение перед депортацией в войну. Бабка дала ей тогда эту пряжку. Она якобы с плаща не кого-нибудь, а самого...

– Да, да, я знаю, – пробормотал Кукушкин, – славного бога Гермеса.

– Почему Гермес не подарил нашей семье свои крылатые сандалии? Представляете, как здорово было бы добираться в них на работу в часы пик? – хмыкнул Данай, но тут же опять посерьезнел: – Гермес вроде бы за какие-то заслуги дал пряжку моему предку по отцовской линии. Такая вот семейная легенда. Эх, если бы не война! Если бы мои родные дед с бабкой были живы. Я расспросил бы их обо всем подробнее. Хотя, впрочем, может быть, они больше ничего и сами не знали...

– Бог Гермес, – задумчиво произнес раскрасневшийся от коньяка Кукушкин. – Знаете, Данай, когда я смотрю на эту вещь, я начинаю верить в эту легенду. Честное слово, так и хочется сказать, что пряжка отлита в волшебной кузнице Гефеста.

– Кто ж теперь это знает? – развел руками Данай.

– Да, разве что сами боги, – пробормотал Кукушкин.

– Смешно сказать, но только вчера я думал о них, – оживился Данай. – О том, что происходит с богами, когда умирает их паства. Куда они деваются?

– Так и подмывает сказать: одному богу известно, – усмехнулся старый профессор. – А, может быть, они и не деваются никуда? А просто ждут своего часа? Когда кто-нибудь призовет их вновь. Как знать.

– И как же их призвать? – неожиданно перевел разговор в чисто практическое русло Данай. – Как призывали богов древние греки? Хотя...

– Чего их было призывать? – подхватил его мысль Кукушкин. – От них и так продоху не было. Они бродили между людьми, как полицейские во время массовых мероприятий.

– Но то когда было, – задумчиво протянул Данечка.

– Не вчера, – согласился Кукушкин.

– Вот именно, – поддакнул Данай.

– Я к вам, Данюшка, собственно говоря, почему зашел, – сменил тему разговора Кукушкин, когда оба профессора выпили еще по рюмочке коньяка. – Нет, отчасти, понятное дело, из любопытства. Пряжку посмотреть. Тут уж каюсь. Отчасти – чтобы составить компанию. Город-то у нас, конечно, как вы сами изволили выразиться, замечательный, да только никого вы в нем не знаете. А следовательно, как я предположил, скучно вам здесь должно быть неизменно. Вот и решил я вас немного взбодрить.

– Это точно, скучно, – подхватил Данай. – Спасибо вам, Павел Борисович, что составили компанию.

– И это еще не все, – замахал руками Кукушкин. – К главной причине своего визита я никак не приступлю. В следующую пятницу, насколько мне известно, у вас последняя лекция?

– Да, верно, – закивал Данай.

– А март у нас в Заполярье – месяц чудеснейший, – доверительно продолжил Кукушкин. – Вот я вам и предлагаю немного отдохнуть. Развеемся, так сказать.

– В смысле? – заинтересовался Данай.

– Да в самом прямом, – хихикнул Кукушкин. – Выехать на природу. В пятницу вы лекции закончите – и на два выходных денька мы вас приглашаем на дачу за город. Шашлыки организуем, прогулки в лесу. А уж в понедельник с утра отправитесь обратно в свой Питер. Компанию обещаю очень интеллигентную. Кроме меня – мой добрый друг Зиновий Харитонович. Тоже, кстати, профессор с обширнейшими знаниями Древней Греции. А еще дочка его. И мой племянник. Все люди античностью интересующиеся. Вы спросите, откуда такие кладези в столь глухих для столичного человека местах? Да только так уж сложилось. Что имеем, то имеем. Я это к тому, что наше общество несколько вас не расстроит, а будет, что называется, на уровне. И вам, повторяю, не лишним будет развеяться немного после трудов...

– Да что вы меня убеждаете, Павел Борисович? Я согласен, согласен, – всплеснул руками Данай. – С удовольствием съезжу.

Глава 7

Начало игры

Неделя пролетела незаметно. Кукушкин предложил Данаю выехать на природу в пятницу. Чтобы, как он выразился, не терять драгоценный день.

– Я заеду за вами ровно в семь вечера, – сообщил он питерскому гостю. – И еще: вам удобнее будет сразу забрать с собой все вещи. Тогда в понедельник утром мы вас прямо с дачи отвезем в аэропорт.

– Хорошо, – согласился Данай, – к семи я буду готов.

Не совсем, по-видимому, полагаясь на пунктуальность своего коллеги, Кукушкин позвонил в знакомую ему по прошлому визиту дверь, когда на часах была уже четверть восьмого. Однако, как он и ожидал, в квартире царил полнейший хаос. На кровати, диване, стульях и даже журнальном столике были разбросаны вещи. Данай растерянно ходил вокруг стоящей посреди комнаты большой дорожной сумки, пытаясь сложить в ее разверстную пасть свой скарб.

– Вы собирайтесь, – успокоил его Кукушкин, – я подожду.

Минут через сорок уставший от сидения в коридоре Кукушкин и его окончательно вымотанный сборами коллега вышли из подъезда, возле которого их ждал огромных размеров джип.

– Ого! – подмигнул Кукушкину Данай. – Хорошо живет провинциальная профессура.

– Вы про джип? Это племянника, – хихикнул Кукушкин. – Гера у нас, как говорится, скор на ногу.

– Понятно, – протянул Данай, не зная, прямо ли ему сунуться со своей сумкой в салон или сначала отправить скарб в багажник.

Тут из машины выскочил молодой человек – очевидно, тот самый Кукушкинский племянник. Впрочем, прийти к подобному умозаключению можно было исключительно логическим путем. Ибо молодой человек нисколько не походил на пожилого грузного профессора. Он имел изящное, чтобы не сказать тщедушное, сложение, лицом был смугл не меньше самого Данаю и крайне подвижен.

– Данай Эвклидович, – радостно произнес Гера, протягивая питерскому профессору руку и уже не отпуская ее, чтобы потащить его к багажнику джипа, – наслышан самого хорошего о вас. Искренне рад. Ставьте сумку сюда и помчимся.

Данай поместил свои пожитки в обширный, как пещера циклопа Полифема, багажник и открыл дверь джипа. Вопреки его ожиданиям заднее сидение оказалось абсолютно пустым.

– А где же остальные? – спросил Данай у примостившегося на переднем пассажирском сидении Кукушкина. – Подхватим по дороге?

– Вы о Зиновии Харитоновиче с дочкой? – ответил ему севший за руль Гера. – Они уже на даче. Вперед махнули. Чтобы к нашему приезду все приготовить: натопить как следует, стол накрыть.

– Ясно, – пробормотал Данай, которому было неудобно от царящей вокруг его персоны суеты.

Джип тем временем вырuling со двора, проскочил одним махом освещенные жилые кварталы и нырнул во тьму пригородного шоссе.

– Ехать около часа, – сообщил Данаю Кукушкинский племянник. – Дача у нас замечательная. Вам понравится.

– Конечно, уверен, – вновь пробормотал Данай. – Честное слово, мне даже неловко доставлять вам столько хлопот.

– Пустяки, – в один голос ответили Гера с Кукушкиным.

Затем в салоне наступила тишина. Данай стал смотреть в окно, за которым, как искры, выброшенные ветром из костра, пронеслись то и дело огоньки придорожных домиков.

Они добрались до цели своей поездки удивительно скоро. Дача действительно оказалась хороша. Большой двухэтажный дом стоял на самом берегу озера. Сейчас оно было заснежено и в свете автомобильных фар да нескольких ярких фонарей, расставленных по периметру внушительных размеров двора, походило на огромную тарелку с манной кашей.

– Великолепно, – не смог сдержать свой восторг Данай.

– А я вам говорил, – подхватил Гера. – Прекрасное место. Удивительное.

Не успели они выйти из машины, как дверь дома распахнулась, и на пороге показался высокий пожилой мужчина с гривой седых волос и окладистой бородой.

– Зиновий Харитонович, – завопил радостно Кукушкин, – привезли, доставили вам нашего гостя.

– Очень рад, – протянул Данаю крепкую руку Зиновий Харитонович. – Прошу в дом.

– Я сумку только заберу... – начал Данай.

– Гера вещи занесет, – жестом приглашая Даная войти внутрь, произнес седовласый.

– Вы не беспокойтесь, – откликнулся сзади Кукушкинский племянник.

Во внушительных размерах гостиной с настоящим, насколько мог понять Данай, каминном его ждало еще одно знакомство.

– Моя дочь Анна, – сообщил Зиновий Харитонович, представляя вставшую навстречу вошедшим мужчинам высокую стройную девушку с роскошными пепельными волосами и необыкновенно голубыми глазами.

– Здравствуйтесь, – произнесла девушка, смерив Даная насмешливым взглядом, и добавила, обращаясь уже к отцу: – Я вижу, питерская профессура симпатичней провинциальной будет.

– Столица! – хмыкнул в ответ Зиновий Харитонович.

– Да бросьте вы, честное слово, – промямлил Данай, которого взгляд стройной молодой женщины вводил в неизвестную ему прежде робость.

– Вы уж простите мою дочь, – заметив растерянность своего гостя, похлопал его по плечу Зиновий Харитонович. – Провинциальная непосредственность. Но мы компенсируем радушием. Честное слово, от чистого сердца. Прошу к столу.

Вечер на даче был прекрасен. После роскошного ужина разожгли огонь в действительно оказавшемся настоящим камине, и все собрались возле него.

– Не знаю, как и благодарить, – простонал Данай, нежась в мягком кресле.

– А и не надо, – остановил его Кукушкин.

– Мы, правда, очень рады такому гостю, – добавил Зиновий Харитонович. – Наслышаны от Павла Борисовича о ваших замечательных лекциях.

– Он говорит, вы очень близко к сердцу принимаете литературу ваших предков? – поинтересовалась Аня.

– Наверное, пожалуй, – вновь смутился Данай. – А это плохо?

– Я не знаю, – пожала плечами девушка.

– Имеет полное право, – вступился за Даная Кукушкин. – С такими-то корнями!

– Да, хотите, я покажу вам нашу семейную реликвию? – предложил Данай.

– Конечно, будем рады, – загалдели все, включая Кукушкина, который уже видел Данаево сокровище.

Данай тут же сбегал наверх, в отведенную ему комнату, куда Гера доставил его дорожную сумку, и, достав из нее коробочку с пряжкой, вернулся в гостиную. И прекрасные юноши и девушки, взявшись за руки, вновь побежали в бесконечном хороводе под пристальными взглядами его новых знакомых.

– По преданиям, которые передаются в моей семье, – не без гордости сообщил им Данай, – это пряжка с плаща бога красноречия Гермеса. Мне так рассказывал отец. Впрочем, без особого пафоса. Сам он, если честно, не очень интересовался семейными корнями...

– Чего нельзя сказать о вас? – вновь смерила его своим пронзительным взглядом Аня.

– Да, пожалуй, – согласился Данай.

– Пряжка замечательная, – произнес Зиновий Харитонович, бросив при этом внимательный взгляд на племянника Кукушкина, – античная. В этом нет сомнений?

– Нет, – подтвердил Гера, бережно повертев пряжку в руке.

Его мнение в этом вопросе собравшиеся в комнате новые знакомые Даная явно признали авторитетным.

Наступила пауза. Данай хотел поведать Зиновию Харитоновичу, его дочери и Гере о своей семье, пропавших деде с бабушкой, войне и приемной семье отца, но не без основания решил, что Кукушкин наверняка уже все им давно рассказал.

– Прекрасный вечер, – промямлил он вместо этого, чтобы хоть как-то поддержать беседу.

– А я знаю, как сделать его еще лучше, – неожиданно предложила Аня. – Предлагаю вам сыграть в игру.

– В игру? – переспросил Данай. – В какую?

– Мы все зовем ее игрой в античность, – пояснила Аня. – Чудеснейшая возможность скоротать время для людей, которые кое-что читали.

– Что-то вроде исторической реконструкции. Скорее даже не исторической, а этакой, знаете ли, филологической, – с готовностью подхватил Кукушкин.

– Подробнее, пожалуйста, – попросил явно заинтересованный Данай.

– Берем некую отправную точку в современности и пробуем найти ее след в толще времен, – пояснил Зиновий Харитонович. – К примеру, предки одного моего знакомого были кузнецами. Как было не проследить его родословную до самого Гефеста?

– Он тоже грек? – еще больше воодушевился Данай.

– Кто? Гефест? – хмыкнула Аня. – Он бог!

– Да не Гефест, – стушевался Данай, которого красивая и заносчивая девушка раз за разом вводила в ступор. – Простите, ради бога, мою косноязычность. Я имел в виду знакомого Зиновия Харитоновича.

– Ах, его! – снова хмыкнула Аня и беспечно добавила: – Наверное. Знаете, все мы отчасти греки. Если хорошо покопаться в родословных...

– Это точно, – хихикнул Кукушкин. – Кого возьмем на съедение на этот раз?

– Звучит по-людоедски, – улыбнулась Аня.

– Гостя, конечно, – предложил Зиновий Харитонович.

– Вы, надеюсь, не против? – поинтересовалась у Даная Аня, вновь окатив его своим насмешливым взглядом. – Как ни крути, а вы для нас человек новый. Чем, собственно говоря, и интересны. А ваша древняя пряжка дает очевидный повод для полета фантазии.

– Я... – замялся Данай под требовательным взглядом голубых глаз.

– Не бойтесь, в игре нет ничего страшного, – фыркнула Аня. – Мы попытаемся представить вам историю вашей семьи. Так, как мы ее увидим. А вам останется лишь оценить работу нашей фантазии. Вот все и развлечемся. Не в подкидного же дурака играть?

– Я согласен, – брякнул Данай и тут же снова смутился. – Не в смысле дурака, конечно. А в смысле реконструкции.

– Вот и славно, – фыркнула Аня. – Что ж, делаем ставки, господа. С какого времени начнем?

– С войны? – предложил Гера.

– Давайте раньше, у нас в запасе три прекрасных вечера, – воодушевился Кукушкин. – Готов представить крымский период.

– Да что ж вы все мельчите, коллеги, – покачал головой Зиновий Харитонович, словно карточный шулер, подначивающий денежного, но очень осторожного игрока сделать по-настоящему крупную ставку. – Эллинистические времена!

– Ерунда, – фыркнула Аня, презрительно взглянув на отца своими бездонными голубыми глазами, – детский лепет на лужайке. Мы в античность играем или в казаков-разбойников?

– Ваше предложение, Анна? – поддавшись общему азарту, поинтересовался Данай.

– Падение Трои, – после некоторой паузы, требуемой для предания сказанному необходимого веса, произнесла девушка.

– Что ж, глубже, наверное, никто копнуть не осмелится, – с видом побежденного развел руками Кукушкин. – Твоя взяла!

– Я, между прочим, имел в виду Троянскую войну, – обиженно вставил Гера.

– Поздно. Надо было выразаться яснее, – фыркнула Аня и, устремив взгляд на пляшущие в камине языки пламени, задумчиво добавила: – Я так и вижу Кассандру, которая, осознавая свое бессилие, мечется по дворцу Приама.

– Так начинай рассказ, не томи, – пробурчал Зиновий Харитонович.

Глава 8

Падение Трои

Кассандра стояла у окна своей комнаты в верхнем городе. На ней была черная траурная риза и такой же черный покров. Небо над Троадой с прошлого вечера было затянуто тяжелыми тучами. Откуда-то с севера, с Пропонтиды дул сильный порывистый ветер, швырявший в лицо молодой женщины редкие и крупные капли дождя.

Кассандра судорожно облизала потрескавшиеся пересохшие губы. Только близкие могли бы в этот момент узнать прекрасную дочь Приама. Ее лицо осунулось. Глаза запали в казавшиеся бездонными глазницы. Темные тени легли от носа к вискам. А черные кудряшки волос, слипшиеся и растрепанные, лежали на лбу, выбиваясь из-под покрывала. Она стояла на голом каменном полу босыми ногами и не чувствовала холода. Мысленно она вся была там, внизу, возле невидимого отсюда пролома, среди толпящихся зевак и добровольных помощников городских стражей, затаскивающих данайский дар в город.

– Соленый, – машинально прошептала Кассандра, слизывая влагу с обветривших губ, – какой соленый дождь.

Впрочем, она тут же поняла, что это не дождь был соленым, а те слезы, что безутешно катились по ее щекам. Слезы? Она думала, что у нее больше не осталось слез. К чему теперь плакать? Она давно уже всех оплакала. Конец близится, и ничего нельзя изменить...

– Гелен, Гелен! Бежим скорее вниз! – прервал мысли Кассандры звонкий мальчишеский голос прямо под окном. – Да скорей же, ленивец! Посмотрим на щедрость данайцев. Сама Афина, говорят, помогала им строить этого коня.

При упоминании имени ненавистной богини Кассандра содрогнулась всем телом. Она на шаг отступила от окна и отерла рукой мокрое лицо.

– Подожди, Главк! Мне не поспеть за тобой, – отозвался на улице запыхавшийся мальчишеский голос, принадлежавший, очевидно, тому самому лентяю Гелену.

– Так не будь таким тучным, Гелен, – крикнул уже где-то ниже по улице первый мальчишка. – Бежим, бежим, а то не успеем.

Кассандра подняла опущенный в пол взгляд. Пророческий дар помог ей, как это бывало и раньше, раздвинуть перед внутренним взором серую пелену дождя за проемом окна. В мыслях своих пронеслась она мимо колоннады дворца владыки Трои, мимо грузных и помпезных статуй. Опережая мальчишек, скачущих по мокрым ступеням и старающихся не поскользнуться, чтобы не сломать себе шею, Кассандра мысленно спустилась по мраморной лестнице вниз, в город. Затем мимо лавок торговцев, домов воинов и лачуг бедноты она добралась до западной стены.

Гигантские блоки, вытесанные некогда Посейдоном и Аполлоном и принесенные с отрогов Иды, чтобы быть сложенными в гигантскую и незыблемую для врагов стену могучего города, теперь были разметаны в стороны. В своем видении Кассандра ясно различала огромный пролом – локтей в сто, не меньше. И сделан он был не данайцами, не бессмертными богами, а самими защитниками цитадели.

– И здесь не обошлось без тебя, проклятая серебряная богиня, – с ненавистью прошептала Кассандра, закрыв глаза.

Как только она смежила веки, ее видение стало ярче. И никакой дождь уже не затуманивал для нее окрестности...

Толпа народа. В ней смешались старики и воины, женщины и дети. Крики, периодически вспыхивающие перебранки, толчея в борьбе за лучшее место. Каждый во что бы то ни стало хотел видеть то, что творилось там, в нескольких десятках локтей впереди, в самом проломе.

Люди толкались, люди влезали на близлежащие деревья. Вверху, на крепостной стене справа и слева от зияющего, как свежая рана, пролома тоже толпились любопытные. Они смеялись, давали советы работающим, потешались над их бестолковостью и неуклюжестью или негодовали по этому поводу. Каждый из них, похоже, гораздо лучше знал, как нужно выполнить то, что творилось в проломе, невидимом пока мысленному взору пророчицы.

Кассандра в своей комнате запрокинула голову назад. По ее телу пробежала легкая судорога. Взор ее упирался мысленно в широкие спины ремесленников и торговцев, спотыкался об их мокрые от дождя хлены. Она никак не могла заглянуть туда, где творилось в тот момент самое главное, самое важное, то, что должно будет изменить все и навсегда. То, что уже нельзя будет исправить, то, что с неотвратимостью смерти приближалось и накатывало на город, выдержавший многолетнюю осаду.

– Да тyani же ты, неумеха! – вырвался из клокочущего шума толпы чей-то пронзительный фальцет.

Уж не Главк ли, бросив позади пухлого и неловкого Гелена, постоянно оскальзывающегося на мраморных ступенях, прибежал сюда и подал свой голос? Крик этот как будто перерезал невидимую нить, которая держала взгляд Кассандры внизу, словно голубку, привязанную за лапку к жердочке. В своих мыслях прекрасная дева воспарила вверх. И вот уже толпа с ее криками, давкой и пестрым бесконечным мельтешением осталась внизу.

Взгляду пророчицы открылся пролом в стене. И лошадиная голова, огромная и свирепая, со всклокоченной кудрявой гривой и раздувшимися ноздрями, оказалась прямо перед ней. Циклопических размеров деревянный конь, стоящий на сколоченном из толстых брусьев помосте, занимал собой, казалось, все пространство без остатка. Афина немало потрудилась, вырезая из смолистых троянских сосен и сколачивая вместе его величественные формы.

Конь смотрел на Кассандру, кося немыслимых размеров злобным глазом. Внизу, у его ног, копошились люди. Одни тянули что есть силы за веревки, прикрепленные к переднему помосту. Вторые подкладывали под него бревна в качестве катков. И те и другие скользили на жиже, в которую от дождя и топчущихся в ней сотен ног превратилась земля возле пролома. Грязные, мокрые, с красными, искаженными от напряжения лицами, все они как будто были вовлечены в какой-то немыслимый круговорот.

– Тyani! Бери! Неси! Подкладывай! – слышалось кругом, а потом опять: – Тyani!

Огромные бревна, освободившиеся из-под сдвинувшегося вперед помоста с конем, хватали по пять-шесть человек и несли в обход деревянной статуи, чтобы снова, как щедрые дары, подложить ей под ноги. Казалось, люди кланяются коню, не просто приглашая, а заманивая его в свой город. И конь вплывал в него неторопливо и степенно, как корабль, входящий после дальнего похода в родную гавань.

Вокруг этого бесконечного движущегося месива из людей, бревен и веревок носились обезумевшие от лая собаки. Толпа веселилась, щедро комментируя происходящее и без устали раздавая советы «коневодам». Внезапно одно из бревен, косо подложенное, выскользнуло из-под помоста статуи. Сама же она, слегка наклонившись, поползла в сторону. Даже сквозь рев толпы Кассандра расслышала, как от толчка в утробе коня грозно звякнула медь доспехов. Впрочем, больше никто, по-видимому, не обратил на это ни малейшего внимания. Столь велик был страх толпы перед тем, что конь может рухнуть, рассыпавшись на составные части. И дивная работа великой богини пойдет прахом, так и не заняв надлежащего ей места на городской площади.

– Подкладывай! Тyani! Подкладывай!

Статую выровняли, подложили еще одно бревно. И работа закипела с новой силой.

– Главк, Главк! Что, что там происходит? Я не вижу! – толстый, розовощекий Гелен напрасно старался протиснуться сквозь плотно сбившуюся толпу.

– Тащите, тащите скорее! – кричал копошащимся в грязи возле коня людям плотный мужчина в дорогой, но забрызганной понизу грязью хлене. – Вам будет щедрое угощение. Пир. Пир ради нашей победы над врагами. Тащите, тащите его на площадь!

Голова коня, почти достигающая зубцов городских стен по обе стороны от пролома, торжествуя над людским морем, медленно вплывала в город. Свирепый глаз чудища, как казалось, неотступно следил за Кассандрой. Еще немного, и он бы подмигнул ей, брезгливо и насмешливо, как подмигивают неудачнице, проигравшей, потерявшей все, за жизнью которой уже пришел бог смерти Танат – в черном плаще, с громадными черными крылами, от которых даже в самый нестерпимый летний зной веет могильным холодом.

– Верно, Танат уже стоит у меня за спиной, – подумала Кассандра.

Но на то, чтобы оглянуться, у нее не было сил. Смелость и решительность оставили ее, уступив место безысходности. Как замороженная, смотрела она мысленным взором на конскую голову, как будто подчинившись ее власти. . .

– Кася, да очнись же ты, – с этими словами кто-то коснулся ее плеча.

Видение коня, толпы, пролома в городской стене распалось в одно мгновение. Кассандра вновь была в своей темной келье, перед оконным проемом, затянутым серой пеленой дождя. Холодная рука лежала у нее на плече. Танат? Вряд ли бог смерти стал бы называть ее Касей. А вдруг? Ведь от него еще никто не приходил обратно. Пересилив страх, женщина обернулась.

– Отец? – почти вскрикнула она, испытав странное чувство из смеси облегчения и тревоги.

– А ты кого ожидала увидеть? Владыку народов Агамемнона? Или, быть может, вернувшегося из царства Аида Ахилла? – толстый и низенький, едва доходивший Кассандре до плеча, старик Приам был явно доволен своей шуткой. Его лицо расплылось в улыбке, а на животе забренчали золотые пряжки, скрепляющие полы новой хлены, когда он засмеялся, откинувшись при этом назад, чтобы насладиться изумленным и испуганным видом дочери.

– Отец! – теперь уже укоризненно повторила Кассандра.

При упоминании имени Агамемнона ее вновь пробрал озноб, а глаза уже готовы были закатиться, чтобы открыть перед ее внутренним взором далекие скалы, гавань, дворец и женщину, встречающую мужа из дальнего похода. . .

– Как я всегда говорил, – голос отца вывел ее из оцепенения, – твои предсказания не стоят и дырявого хитона. Порадуйся же вместе с нами победе. Сегодня во дворце будет пир. Оденься в праздничные одежды, пригуби чашу вина, признай, что все закончилось вовсе не так, как ты вещала.

– Все еще далеко не закончилось, – пробормотала Кассандра, – хотя конец действительно близок. Но он не порадует тебя, отец. И этот ночной пир будет для тебя последним.

– Прекрати! – владыка Трои вздрогнул, его подслеповатые старческие глаза наполнились мукой и гневом. – Ты не умеешь ничего, кроме как предсказывать голод, мор и разрушение города. Надо было выдать тебя замуж. Супружеское ложе заставило бы тебя смирить свои фантазии и заняться чем-то более приятным, чем постоянное брюзжание и гневление богов со светлого Олимпа.

– Полно, отец! – Кассандра почти задыхалась от гнева. – Может быть, для кого-то Олимп и светел, но только не для нас. Разве ты забыл: ни златокудрая Афродита, ни сребролукий Аполлон, ни стремительная Артемида, ни даже свирепый и грозный Арес не смогли помочь нашим воинам в битве. Не защитят они нас и от хитрости могучей Паллады.

– Не упоминай имена богов без приношения должной жертвы! – грозно молвил Приам, в испуге отступая от дочери.

– Отец, вели проломить брюхо деревянному коню данайцев, – взмолилась Кассандра. – И ты увидишь, что в нем прячутся воины. Собирайте всех, кто может держать оружие, ведите их к городской стене, к пролomu. Ночью весь флот Эллады будет у наших берегов.

– Замолчи, замолчи! – замахал руками старик. – Я вижу, состояние твое безнадежно. Ты рождена для того, чтобы гневить богов и насыпать на наши головы их немилость. Никто из троянцев не прикоснется к дару, сработанному великой дочерью Зевса. Довольно уж тебе гневить необорную Афины. Не позволю. Более не позволю. Сиди в своей келье и не мешай нам праздновать победу.

– Я вижу пламя над городом. Пламя. Этой же ночью, – Кассандра иступленно бросилась отцу в ноги. – Вели пронзить брюхо коня копьями, приведи воинов на городские стены, пусть горожане залатают пролом.

– Пламя? – Приам опять захохотал, но теперь смех его был не радостным, а злобным, каркающим: – Выгляни в окно, глупая женщина! Там дождь. Борей пригнал с Эвксинского Понта тяжелые тучи. Никто не разожжет пожар в городе этой ночью, даже если бы обмазал дома смолой. Твои видения противоречат рассудку. А значит, и другим твоим предсказаниям цена – разбитый глиняный ритон.

– Неужели ты думаешь, что у Афины не хватит слов, чтобы убедить своего отца рассеять тучи? – Кассандра, стоящая перед Приамом на коленях, в гневе вскинула голову. – Ты просто глуп!

– С меня хватит, – владыка Трои с размаху отпустил дочери пощечину и вышел из комнаты, гневно задернув полог.

По лицу Кассандры текли горькие слезы. Она поднялась с пола и уже готова была вновь подойти к окну, когда услышала в покоях за пологом чьи-то тихие шаги. Неужели отец одумался и вернулся? Нет, этот робкий шорох почти беззвучных шагов никак не походил на гулкий стук его сандалий по каменным плитам коридора.

Полог слегка качнулся, и в комнату вошла, почти прокралась служанка Кассандры Агава. Она склонилась в поклоне, отчего ее рыжие, как у самой богини Геры, кудри упали на бледное лицо, на котором явно читался испуг.

– Я подумала, госпожа, может быть, вам что-нибудь понадобится, – прошептала она. – Принести огня? Давайте, я расчесу вам волосы. В городе идет веселье, на улицах толпы народа.

– Отчего же тогда ты так испугана, Агава? – усмехнувшись, спросила Кассандра. – Или у тебя тоже появился дар предвидения?

– Госпожа, ох, госпожа, – вздохнула служанка. – У меня на сердце словно камень лежит. Я вижу, как вы страдаете все последние дни.

– Последние? – опять усмехнулась пророчица. – Эти дни и верно последние для Трои.

– Пойдите в храм, – вздрогнула Агава, – принесите жертву богам. Все как-нибудь и устроится. Вы всегда были добры ко мне, пойдите в храм.

– Поздно, Агава, – Кассандра возвысила голос. – Да и ни к чему это. Боги отступились от нас. Стена города пала, и данайское чудовище уже вступает в него.

– Побойтесь гнева великого Зевса, владыки и бессмертных всех и смертных! – всплеснула руками рыжая служанка. – Война закончилась, мы победили.

– Победили? – дочь Приама укоризненно посмотрела на Агаву.

Впрочем, чего можно было ждать от прислуживавшей ей девушки, если мудрейшие мужи были ослеплены кознями Афины и начисто, казалось, забыли о коварстве пепельноволосяй богини.

– Троя уже пала, – без пафоса и надрыва, почти буднично, как будто растолковывала непонятливой служанке очередное поручение, сказала Кассандра. – К утру здесь будут данайцы, а город будет разграблен и сожжен дотла. Так, что в течение тысяч лет никто не сможет найти его руины.

– Данайцы уплыли домой, – робко заметила Агава.

– Может быть, ты сбегала посмотреть? – с издевкой в голосе спросила ее госпожа. – Ты, верно, вышла из западных ворот, потом вдоль бурного Ксанфа поднялась на отроги Иды

и заглянула за дальний мыс? Хотя, что я говорю: у нас ведь есть воины, есть герои, есть, в конце концов, дозорные. Но никто из них не потрудился сделать этого. У нас есть мудрые вожди, но и они не направили туда своих людей. Никому не интересно, что весь флот Эллады стоит за ближайшим мысом. И знаешь, Агава, куда обращены носы их кораблей? К Трое, Агава, к Трое. Сто тысяч воинов. Моли богов, чтобы тебя взяли в рабство, а не убили где-нибудь на улице или прямо здесь, во дворце, с дочерями Приама.

– Так давайте убежим, госпожа, давайте убежим, – голос рыжей служанки дрожал. – Выйдем тайком из города. Пока еще не поздно.

– Поздно, Агава, поздно, – Кассандра положила руку на плечо девушки. – Вокруг города рыщут лазутчики врага, дозоры стоят на всех дорогах. Я слышу грохот колесницы могучей Афины, объезжающей наши равнины, как свои. Богини судьбы Мойры уже спряли нить нашей жизни. Жребий вынут, и все занесено в свитки. Мне суждено стать рабыней владыки народов Агамемнона. Но недолго суровый ахеец будет мной наслаждаться. По возвращению его домой, в родные Микены, мы падём от руки его жены Клитемнестры. А ты, Агава, станешь...

– О, пожалуйста, не надо, госпожа, – служанка умоляюще сложила на груди руки. – Вам дана великая мудрость и великий, но тяжкий дар. Но я не хочу знать свою судьбу. Пусть случится то, что суждено. Не стоит гневить богов.

– Многие настойчиво добивались встречи со мной, чтобы узнать свое будущее, – удивленно подняла бровь Кассандра. – Те, которые были умнее моего безрассудного отца и прислушивались к моим советам.

– Но только не я, – возразила служанка. – Нет, я верю вашим пророчествам. Но именно поэтому я не хочу их слушать. Если судьбу не изменить, зачем мне знать то, что и так случится? Прошу вас, госпожа, оставьте свой дар, не гневите богов, принесите жертву светлоокой Афине.

– Вся Троя станет ее жертвой, глупая ты девушка, – усмехнулась дочь Приама. – Неужели ты думаешь, что серебряная богиня согласится на что-то меньшее?

Кассандра замолчала. Она сняла руку с плеча Агавы и отошла на несколько шагов вглубь комнаты. Сгущавшаяся ночная темнота почти совсем растворила в себе ее черные ризу и покров. И только бледное лицо ее как будто висело в воздухе. Глаза ее были полуприкрыты. Губы мерно шевелились, словно она что-то говорила. Но слов при этом слышно не было.

Напуганная видом госпожи, Агава робко сжалась в углу, бесшумно опустившись на пол. Она не рискнула больше нарушить молчание. И лишь изредка поднимала умоляющий взгляд на Кассандру. То ли надеясь, что дочь Приама изменит свое решение и постарается задобрить воинственную богиню, то ли просто боясь пропустить тот момент, когда госпоже что-нибудь понадобится и она прикажет ей, Агаве, сходить и принести, например, масляный светильник – ведь в комнате уже безраздельно царил непроницаемый мрак. Однако приказа не было, а сама служанка боялась что-нибудь предпринять.

Воцарившуюся в покоях Кассандры тишину нарушали крики и песни на улицах. Слышно было, как кто-то громогласно славил голубоглазую Афины, а кто-то все время прибавлял:

– И Зевс, владыка и бессмертных всех и смертных, слава тебе, слава!

Люди пели песни и, наверное, танцевали на улицах. О последнем можно было только догадываться по отдельным выкрикам и взрывам смеха. Когда, по-видимому, кто-то из танцоров по причине излишних возлияний и дождя, превратившего улицы и площади города в весьма небезопасное для нетвердых ног место, поскользнулся на глинистой жиже и со всего маху, вскинув руки, бухался на землю, прямо под ноги другим танцующих, часто невольно или нарочно увлекая их за собой. Гуляние в честь одержанной победы все продолжалось.

Неожиданно прямо под окнами Кассандры прозвучали слова, выбивающиеся из общего ликования:

– Сынок, оставь меня, возьми Аскания, он отстает все больше. Тебе не донести меня. Я вижу, какую боль причиняет тебе каждый шаг. Да попадет скорее в царство мрачное Аида герой Диомед, раздробивший тебе колено.

– Замолчи, отец, – ответил молодой голос, слегка прерывающийся, как будто говоривший бежал и сорвал при этом дыхание, – я тебя не брошу. Нам нужно торопиться, чтобы поспеть к стене до рассвета. Наши друзья передали мне, что сегодня ночью в городе будет жарко. Скорей, малыш Асканий, держись за мою хлену!

– Эней, Эней, – вновь послышался первый голос, – им можно верить? Боюсь, не приняли бы нас за вражеских лазутчиков, если мы среди пира попытаемся покинуть город.

– Пиру скоро настанет конец. Как, впрочем, и царствованию глупца Приама. Воинам будет не до нас. Им найдется работа, – произнес прерывающийся голос, который – очевидно, его владелец вспомнил про вопрос своего собеседника – тут же добавил: – Можно верить, можно. Это надежные люди, которые кое-чем мне обязаны...

Голоса удалились, и дальнейшая беседа потонула в шуме веселья, царящего на улицах. Кассандра беззвучно подошла к окну и, воздев руки к темному небу, воскликнула:

– Горе мне, горе! Я вижу покойников, которые пляшут и веселятся! Я вижу рабынь, которые в богатых одеждах ходят по улицам в сопровождении слуг! Я вижу воинов, заснувших вечным сном, так и не успев надеть свои доспехи! Я вижу сирот, играющих на руках у родителей! Все вот-вот свершится. И ничего нельзя изменить.

Пророчица отошла от окна и тихо села на скамью в дальнем углу своей кельи. Она замерла. И только тихое бормотание нарушало гробовую тишину ее покоев:

– Дождь не помешает огню. Нет, не помешает. Ничто не остановит гнев злопамятной Афины...

Прошло несколько часов. Должно быть, близился рассвет. Кутерьма в городе малопомалу стихла. И лишь изредка под окнами слышались торопливые шаги запоздалого прохожего или четкая, размеренная поступь городской стражи, обходящей царский дворец.

Кассандра, словно очнувшись от забытья, подняла склонившееся на грудь лицо и тихо позвала:

– Агава, ты еще здесь?

– Да, госпожа моя, – послышался тихий и робкий голос.

От темной стены отделилась едва различимая тень, и служанка предстала перед хозяйкой, готовая исполнить ее указание.

– Сходи, посмотри, что творится в городе, – устало молвила Кассандра. – Да только не вздумай идти далеко. Просто выйди на колоннаду и глянь на город. И тут же возвращайся.

– Как прикажете, госпожа моя, – служанка склонилась в поклоне, затем выпрямилась и выскользнула из комнаты.

Спустя несколько минут она вновь появилась перед Кассандрой:

– Дождь прекратился, госпожа. Звезды, все небо усеяно ими. Как будто и не было никаких туч. В нижнем городе какой-то шум. Я видела зарево. Похоже, там что-то горит. Впрочем, пламени пока не видно...

– Это только пока, Агава, только пока, – привставшая при появлении служанки, Кассандра вновь опустилась на скамью. На ее лице, если бы у Агавы хватило в тот момент смелости поднять глаза, служанка заметила бы торжествующую улыбку. – Скучно, Агава, как скучно все знать наперед...

Глава 9

Спасение Энея

– Я точно знаю: это здесь, – юноша, опасливо покосившись на свою спутницу, ткнул железом в сторону поросшей мхом неприступной стены.

– Гермес, надеюсь, ты уверен? – высокая и прекрасная молодая женщина с голубыми насмешливыми глазами и пепельными волосами устремила на него пронзительный взгляд.

– Дверь здесь. Я расспросил у Посейдона, – подтвердил юноша уже чуть менее уверенно.

– И ты его слова запомнил точно? – женщина быстрым движением схватила Гермеса за хлену, там, где она застегивалась на шее юного бога золотой пряжкой, на которой были изображены танцующие в хороводе прекрасные юноши и девушки, и неожиданно сильно встряхнула его при этом. – Ведь если ты ошибся или, что еще хуже, обмануть меня задумал, я выщиплю все перья на твоих сандалиях крылатых. Затем я брови выщиплю тебе по волоску. Потом я выщиплю все волосы на голове твоей беспутной...

Слово «выщиплю» женщина всякий раз произносила с нажимом, как бы сама любуясь им и тем процессом, который оно описывало. Несчастный Гермес тем временем, словно тряпичная кукла, беспомощно болтался, удерживаемый мертвой хваткой столь изящной с виду руки, обнажившейся, выскользнув из-под серебристой ризы.

– Да успокойся же, Афина, и отпусти меня. И в мыслях я не держу обман, – простонал Гермес и спросил, почти не скрывая льстивые нотки в голосе: – Кто, скажи мне, посмеет обмануть тебя, великую богиню, возлюбленную дочь отца бессмертных всех и смертных, владыки гордого Олимпа – Зевса?

Афина отпустила брата и неистово потрянула головой, разметав по плечам пепельную волну волос:

– Не должно им уйти. Не зря ждала я столько лет, чтобы теперь позволить уцелеть хотя бы кому-то.

– И не уйдут, не бойся, – успокоил ее Гермес, в глазах которого плясал огонек страха перед грозной спутницей.

Он прекрасно знал, что усмирить Афу в гневе под силу лишь великому ее отцу.

– Ступай же прочь и присмотри за колесницей, что я оставила за рощей этой славной, – в голосе богини слышался металл.

Юный бог покорно кивнул и понуро поплелся через рощу, где в нескольких сотнях локтей отсюда, на небольшой, покрытой сочной травой поляне богиня оставила свою золотую колесницу. Гермес прекрасно понимал, что Афина просто хочет, чтобы он был поблизости. Если он все же запутался в сбивчивых пояснениях Посейдона и тайная дверь из города была где-то в другом месте, Афина не желала разыскивать его по всей Ойкумене, чтобы наказать. А в том, что наказание не заставит себя ждать, он, памятуя о буйном характере серебряной богини, нисколько не сомневался.

Требование присмотреть за колесницей было лишь недвусмысленным намеком на то, что он должен убраться из-под стены, но не исчезать в бесконечности. Вряд ли кто из смертных посмел бы тронуть колесницу могущественной богини. Афина не прощала и куда меньших обид. Города рушились и приходили в упадок за одно неловкое слово, оброненное в сторону Паллады кем-то из их жителей. Да и найдись такой смельчак, который попытался бы несмотря ни на что увести божественную колесницу – в круговерти воинских подвигов, совершаемых под Троей тысячами героев каждый день в течение десятка лет, мог найтись безумец, возомнивший себя неуязвимым, – волшебные кони Афины могли в случае необходимости и сами постоять за себя.

Нет, не ради охраны упряжки приказала ему Афина оставаться поблизости. Гермес вспомнил, с каким удовольствием произносила она слово «выщиплю», и невольно содрогнулся. Да, лучше бы дядюшку Посейдона не подвела память (с тех пор, когда он вместе со златокудрым Аполлоном строил эту стену, минуло немало времени), а его самого – не изменявшее ему почти никогда везение. Иначе ему несдобровать: сестра страшна в гневе.

Оставшись одна, Афина отступила на несколько шагов вглубь рощи, укрывшись за густым кустарником. Она вонзила копье в землю на добрый локоть, а сама опустилась на надломленное в полуметре от земли и лежащее, словно скамья, дерево, в котором еще теплилась его зеленая жизнь.

Занимался рассвет. До появления колесницы бога Солнца Гелиоса было еще далеко. Но небо уже посерело, как будто в его черноту припустили немного молока. Звезды потускнели и растворились, словно утонув в бесконечной глубине небосвода.

Покрытые густым ельником отроги Иды громоздились слева от прекрасной богини. Вековые деревья зубчатыми стенами вздымались на фоне накатывающего рассвета. Рядом, с неумолчным и грозным шумом, нес свои воды бурный Ксанф. Могучая стена, вздымавшаяся ввысь, сложенная из огромных, небрежно отесанных каменных глыб, неподвластных человеку, перечеркивала весь пейзаж. За ней, на холме пылал город. Там, вдалеке, еще слышались звон мечей и крики. Но исход сражения был ясен уже тогда, когда глубокой ночью Афина, прихватив с собой Гермеса, покинула улицы Трои. Город пал. Свершилось то, что предсказывала эта бесноватая дочь Приама, то, чего столь долго добивались Афина и Гера, оскорбленные выбором Париса, то, чему так долго противилась златокудрая Афродита, сумевшая вселить приязнь к троянцам даже в жестокую душу своего супруга Ареса.

Смертные, они считают себя равными богам. Но только до той поры, когда разгоряченная от битвы и омытая кровью предшествующих жертв медь вонзится в их слабую плоть. Только тогда в их глазах появляется мудрость, которой им так не хватало на протяжении их скоротечной и чаще всего абсолютно бессмысленной жизни.

Даже этот кудрявый и проворный ахеец – Афина почему-то не хотела даже в мыслях называть его имя, чтобы невольно не выдать себе самой необычную для ее сурового характера привязанность, – даже этот царь Итаки, прозванный хитроумным... Сколько пришлось повозиться, чтобы втолковать ему, что нужно делать. И этот конь... Только она могла придумать такое. Иначе еще неизвестно, сколько лет пришлось бы ахейскому войнству осаждать неприступные стены Трои. Она могла позволить себе подождать. Но вот люди... Они устали от кочевой жизни, от караулов и вылазок, от битв и погребальных костров. Надо было что-то делать, если она, великая дочь Зевса, хотела добиться своего...

Афина в задумчивости сидела на стволе надломленного дерева. А кругом царило безмолвие, какое бывает только в предрассветный час. Оно нарушалось лишь отдаленными вскриками: в городе на холме кое-где еще шла битва.

Но вдруг необычный, резкий и пронзительный звук послышался где-то совсем рядом. Скрип – вот что это было такое. Скрип или скрежет. Словно кто-то скребся в толще громадных камней, из которых была сложена замшелая городская стена. Звук повторился еще раз и еще. Одна из нижних и казавшихся незыблемых плит неожиданно легко сдвинулась вперед, подтапливаемая изнутри, а затем отошла на невидимых петлях в сторону, обнажив в неприступной с виду стене дверь – тайный проход, ведущий в город.

В свое время этот чудесный механизм по просьбе Посейдона сработал искусный бог Гефест. Владыка морей не хотел строить абсолютно неприступную крепость. Он словно предчувствовал, что ему еще придется вести на ее штурм войска. Да вот беда: старик так и не смог вспомнить точное место потайной двери. По крайней мере, он не нашел ее снаружи. А значит, для нападавших она оказалась абсолютно бесполезной. Для беглецов же из павшего города дверь могла стать последней надеждой на спасение.

Афина еще несколько дней тому назад заметила, как долго о чем-то шептались между собой сребролукий Аполлон и вечно юная Афродита. Кифаред тщательно вычерчивал на песке перед золотой богиней какие-то мудреные планы. Афина догадывалась, что Афродита делает все возможное для спасения своего сына Энея. Поэтому она и заставила посланника богов Гермеса разузнать у Посейдона все, что тот помнил о тайной двери. Поэтому и оставила она посреди брани захваченный ахейцами город. Поэтому и ждала здесь, за кустарником, невидимая тем, кто должен был выйти из Трои через этот лаз. И она сделала все это не напрасно.

Из темного хода в стене выступил молодой мужчина, согнувшийся под тяжестью разбитого параличом старца, которого нес он на своих плечах, словно куль с зерном. Мужчина был бледен. Запачканный землей и песком хитон промок – то ли от шедшего с вечера дождя, то ли от пота. По лицу беглеца пот катился крупными градинами. Он волочил одну ногу, колено которой было туго перетянута когда-то белой, а теперь грязной материей. И видно было, что каждое движение причиняет мужчине нестерпимую боль. Всякий раз, приступая на больную ногу, он тихо стонал не в силах сдержать свои страдания.

Вслед за этой парой из прохода выбежал маленький мальчик, который с удивлением и восхищением вертел во все стороны головой, очевидно, воспринимая все происходящее как новую захватывающую игру, азарт которой прогнал даже накопившуюся усталость.

В благородном лице мужчины угадывались черты недавнего величия и достоинства. Но в его глазах ясно и отчетливо плясал неукротимый огонек страха. И он всеми силами старался не встретиться взглядом с мальчиком, чтобы не напугать его, не заразить тем коварным спутником бога войны Ареса – ужасом, который даже великого воина превращает в легкую добычу для первого встречного, а уж с маленькими мальчиками и вовсе расправляется самым безжалостным образом.

– Кажется, нас никто не заметил, – пробормотал старик, испуганно оглядываясь назад, в темный проход.

– Я молю об этом, отец, – прерывающимся голосом ответил мужчина и тут же поспешно добавил: – Остановимся на несколько минут. Мне нужно перевести дух и сделать хоть пару глотков из бурного Ксанфа.

Со стоном он опустил старика на землю, а сам по скользким от воды камням, упав на здоровое колено и вытянув назад изуродованную ногу, подполз к реке и стал жадно пить, захватывая воду в сложенные ковшиком ладони. Напившись, он ополоснул водой лицо и тяжело, с трудом развернувшись, отполз назад, где почти без сил опустился на траву.

– Эней, сколько можно повторять: оставь меня, – обратился к нему старик. – Тебе тяжело. А до рассвета нужно во что бы то ни стало подняться в ельник Иды. Иначе нам несдобровать.

– Мы все избежем гибели или погибнем вместе, – мужчина проговорил это без всяких эмоций, как заученную фразу, которую ему пришлось повторять непонятливому собеседнику уже бесчисленное число раз.

– Твоя нога, Эней, – старик горестно развел руками. – Будь проклят герой Диомед, пославший в тебя грозный камень. Я ведь вижу, что ты обессилел.

– Я справлюсь, отец, – возразил мужчина, – справлюсь. Лишь бы только великие боги позволили нам уйти из города.

– Но златокудрая Афродита, она обещала мне, – голос старика дрогнул, когда он упомянул имя прекрасной богини.

– Прости, отец, но я не думаю, что моя мать многое решает на Олимпе, – ответил мужчина, настороженно оглядываясь по сторонам. – А у нас там по вине Париса бесчисленное число могущественных недругов.

С этими словами он, стараясь не сгибать изувеченное колено – было очевидно, что это причиняло ему ужасную боль, – встал с земли, вновь взвалил на плечи старика и вместе с малы-

шом, схватившим его за край хитона, двинулся в путь, направляясь к близлежащим отрогам Иды.

Впрочем, путь его тут же прервался снова. И весьма неожиданно. Из-за ближайших кустов выступила ему наперерез величественная и воинственная голубоглазая юная женщина с пепельными волосами. В правой руке она сжимала могучее копьё с сияющим золотом острием. Она стремительно и, как казалось, почти не касаясь сандалиями травы, приблизилась к беглецам.

– Куда ты так торопишься, Эней? – грозно спросила она застывшего, словно прикованного к месту, на котором он стоял, мужчину и тут же, переведя взгляд на старца, продолжила: – Анхиз, и ты здесь? Неужто думаете вы, что скромные услуги, что оказали вы ахейцев войску во времена осады долгой, достаточны, чтоб сохранить вам жизнь?

Мужчина со старцем на плечах молча стоял, безропотно и устало понурился головой. Воительница приблизила острие копья к груди Энея, как будто взбадривая его для ответа.

– Что можем мы возразить тебе, светлоокая богиня? – пробормотал мужчина. – Какого ответа ты ждешь от несчастного смертного? Тебе решать, кого казнить, а кого миловать. Я лишь хотел сохранить жизнь сыну своему Асканию. Ну да, видно, не суждено. Ты никого не выпустишь отсюда, – он устало тряхнул головой и опустил старца на землю.

– Уйми свой гнев, Паллада. Поговорим спокойно, без упреков, – послышался за спиной богини раздраженный ворчливый голос, охрипший и сорванный, словно его хозяин проводил дни, торгуясь на базарной площади.

Впрочем, Афина прекрасно знала этот голос, не имевший никакого отношения к лавочникам из вонючих лачуг нижнего города, где располагался рынок. Она давно чувствовала, сидя на надломленном дереве, что она не одна здесь караулит тайную дверь. И появление хозяина сорванного голоса не стало для нее неожиданностью.

В мгновение ока воинственная дочь Зевса повернулась навстречу говорившему. Ее копьё, с глухим шумом рассекая воздух, описало полукруг и уперлось прямо в горло коренастого мужчины в латах, с мечом у пояса и огромным щитом, висевшим у него за спиной. Горбатый нос, черные брови и взлохмаченные волосы придавали незнакомцу свирепый и грозный вид. Когда копьё уперлось ему в шею, он молниеносно прынул назад, сжав при этом руку на рукояти меча.

– Еще одно движенье, милый братец, – произнося это, Афина снова приблизила копьё к шее незнакомца, – и богу врачевания Пеану придется долго над тобой работать, пока ты вновь осмелишься явиться на поле битвы, карая без разбору жалких смертных. Так что уж лучше уберечь ты длань свою с меча.

Незнакомец заскрежетал от злобы зубами, но подчинился воле могучей Паллады.

– Оставь, сестра, им жизни их, – он бросил взгляд на троянских беглецов, очевидно, не рискуя не только указать на них рукой, но даже кивнуть в их сторону – уж очень не хотелось ему, чтобы в его горло вонзилось жалящее острие божественного копья. – Пускай они идут своей дорогой. Не будем же устраивать мы битвы друг с другом из-за жалких смертных, которые не стоят и заколки ничтожнейшей, что на одеждах наших скрепляет ткань, не дав упасть ей наземь?

– Ты это сам решай, Арес свирепый, – воскликнула звонким голосом Афина. – Меня ты поразить не сможешь в битве. Забыл, что после каждой нашей схватки ты к нашему отцу бежишь со стоном? И жалобы ты на меня возводишь владыке и бессмертных всех и смертных. Ты вспомни, как Диомед герой вонзил с моей подачи тебе в утробу медное копьё.

При упоминании имени Диомеда и Арес, и Эней вздрогнули, как будто вновь испытали боль, причиненную им обоим неукротимым ахейцем. Афина же, насладившись произведенным эффектом, продолжала:

– Так что уйди с дороги, милый братец, не отвлекай меня ты словесами от дел, что я задумала исполнить. Но ежели ты хочешь драться, то изволь. Да только не успеешь ты вытащить из ножен острый меч свой, как будешь сам нанизан на мое копьё. Тебе решать, что делать. Но лично я считаю, что богам, как сам ты мудро только что заметил, не стоит ссориться из-за ничтожных смертных, чьи судьбы вечно колеблются на острие меча.

Афина замерла, выжидая. Видно было, что она готова к любому исходу разговора. Впрочем, пауза продлилась недолго. Арес отступил, разведя руки в стороны, тем самым ясно давая понять, что не будет хвататься за меч, чтобы сразиться с великой дочерью своего бессмертного отца.

– Я знал, что это будет бесполезно, – пробормотал он, оглядываясь. – Не изменить нам то, что Афа уже решила про себя. Напрасно гнали мы нашу колесницу, дорогая. Не стоило мне поддаваться твоим мольбам.

Услышав это, Афина громко расхохоталась:

– Я вижу, братец, чуть не весь Олимп собрался здесь, у крепостной стены троянской. Какая необычная забота о беглецах ничтожнейших, что выбрали позор изгнания взамен достойной гибели на поле лютой брани. Что ж, выходи, порадууй, Афродита, меня своей сладкопевучей речью.

При этих словах из-за ближайшего дерева выступила стройная и высокая дева с золотыми пышными кудрями, в золотистой, ниспадающей мягкими волнами ризе. Она робко подошла к Афине и опустила перед ней на колени.

– Пощади, могучая богиня, ты сына моего Энея и спутников его, – пролепетала она тихим голосом, полным тоски и безысходности. – Оставь его, не дай угаснуть ты народу Илиона. Уж все сбылось, что было предначертано судьбою. Зачем тебе гоняться здесь за теми, которых ждут лишь беды да тяжести изгнания? Отпусти их. Знаешь ты сама, что общий бог Арес для смертных. Карает он, как тех, так и других в кровавой битве, и не щадит он обе стороны. Но коли бог войны готов смирить жестокость и отпустить троих, что здесь стоят в унынье, к чему тебе брать на себя их судьбы? Молю тебя, оставь их, пусть идут, как предназначено им свыше. Не будь мудрее Мойр, что ткут судьбы обрывистую нить. Они одни лишь властвуют над всеми. И даже Зевс покорен им отчасти.

– Мне не рассказывай ты то, что и сама я знаю твердо, – Афина в гневе возвысила голос. – Необоримое могущество судьбы не простирай на головы несчастных, которые стоят сейчас пред нами, – богиня кивнула в сторону людей, следящих в безмолвии за спором бессмертных. – И я не хуже, чем старухи Мойры, смогу прервать их жизни нить своим копьём могучим. Сейчас или через несколько десятков лет – они умрут. Так раньше или позже? Я разницы большой не вижу в этом.

– Но... – попыталась возразить Афродита.

– Но я хочу, чтоб раньше, – оборвала ее воинственная Паллада. – Закончим же на этом пререканья наши. Я утомилась от вереницы слов, что воздух сотрясают бесполезно.

На глазах прекрасной золотой богини заблестели слезы. Но Афина больше не обращала на нее никакого внимания. Она вновь повернулась к Энею, Асканию и бессильно полулежащему на земле Анхизу, приступила к ним и занесла свое огромное копьё над их склоненными в испуге головами. Все вот-вот должно было закончиться.

Но тут яркая искра чиркнула по небу, словно падающая звезда, стремительно приближаясь к группе людей и богов, стоящих у городской стены возле потайной двери. И спустя мгновение легкокрылая вестница богов – богиня радуги Ирида предстала перед Афиной в своем блистающем всеми цветами наряде.

– Хайрэ! – вскинула она в приветствии руку.

– Хайрэ, – неохотно пробурчала Паллада, хмуро глядя на посланницу. – Я вижу, что из сонма олимпийцев нет никому покоя в это утро.

– Великий, всемогущий, повелитель молний, хозяин туч, владыка и бессмертных всех и смертных Зевс Кронион послал меня, чтоб передать тебе его, богиня, волю, – торжественно и с явным удовольствием, упиваясь собственной значимостью, произнесла своим звонким юным голосом Ирида и сделала паузу.

– Ну так передавай, – буркнула Афина.

– Великий, всемогущий, повелитель... – вновь начала декламировать радужная богиня.

– Можно покороче? – оборвала ее воительница.

– Короче, воля Зевса такова, – испуганно взглянув на Афину, буйный нрав которой был хорошо известен всем на Олимпе, воскликнула Ирида. – Он повелевает тебе оставить с миром смертных, которые стоят перед тобою.

Глаза Паллады потемнели от гнева. Коротким и резким взмахом она перекинула копье из правой руки в левую. Из-под распахнувшейся от этого движения хлены показалась рукоять меча, висевшего у богини на поясе. Ее правая, освободившаяся рука легла на эту рукоять, не оставляя никаких сомнений в намерениях непокорной дочери Громовержца.

С юного личика Ириды тут же сошел румянец. Она вновь призывно, словно в приветствии, вскинула руку и торопливо произнесла:

– Не мне одолевать тебя, великая богиня: ни в споре, ни тем более в бою. Уйми свой гнев. Я лишь передала тебе, что повелел мне Зевс. И ты прекрасно знаешь, что грозен он, когда его веленья не выполняются. Не я тебе указчик, а Кронион. Не поднимай руки ты на посланницу простую. Прими слова, которые передала тебе я, как его. И даже если они разверзли в сердце твою рану и планы нарушили твои, не предавайся ярости напрасной, не вымещай ее на мне, которая тебе совсем не ровня.

Афина сняла руку с меча. Подобно тому, как только что Арес был укрощен ее гневом, сама она вынуждена была смириться перед волей всемогущего отца. С коротким и яростным криком она метнула копье в землю, даже не потрудившись переложить его в правую руку. Острие вонзилось в траву у самых ног побледневшего Энея.

В следующее мгновение богиня-воительница стремительно выдернула из земли свое оружие, повернулась и пошла прочь, не произнеся ни слова.

– Хвала великому Зевесу, – мрачно прорычал Арес, удалившись в другую сторону.

Ирида взмахнула легкими крыльями и столь же стремительно, каким было ее падение, вознеслась в уже занимающиеся солнечными лучами небо.

– Любимый сын, идем, идем скорее, – бросилась к Энею златокудрая Афродита. – Я проведу тебя, укрыв туманом, сквозь все дозоры алчные врагов. А если кто нас вдруг заметит по дороге, я позову Ареса. Он поможет. Муж мой, хоть и жесткий бог, но слушает меня. Бери отца, Анхиза, ты на плечи. Асканий! Иди ко мне, малыш. Я понесу тебя. В руках любви богини ты будешь, как у матери в ладонях.

Люди вышли из оцепенения. Казалось, даже ребенок понял суть происходящего, которая заключалась в том, что они были спасены. И вскоре вся процессия двинулась в путь, вверх по поросшим елями отрогам Иды, прочь от стены, где бурный Ксанф с рокотом катил по камням свои чистые воды.

– Идем, идем, – торопила Афродита своих спутников, – скорее.

Глава 10

Отплытие домой

– Скорее, скорее, отродья Тифона, поторапливайтесь, – рычал коренастый воин в сверкающих медных латах, гривастом шлеме, кожаных грубых сандалиях, с пристегнутым к поясу коротким и широким мечом, подгоняя к кораблям стайку женщин.

Женщины спотыкались, их босые ноги увязали в прибрежном песке. Кругом сновали люди: вчерашние враги – сегодняшние победители. Разграбление города, видневшегося за спинами женщин, практически завершилось. Кое-где еще дымились угли пожарищ и слышались хлопки от лопающихся в огне ритонов. Вокруг стоял удушливый запах гари. Даже здесь, на берегу, возле греческих кораблей от него было тяжело дышать несмотря на свежий ветер, дувший с моря.

– Живей, живей, – торопил несчастных троянок воин. – Атрид Агамемнон не собирается из-за вас задерживать свое возвращение в родные Микены.

– Владыке народов не следовало бы торопиться на родину, – вскинула на воина тяжелый взгляд опухших от слез и глубоко запавших глаз одна из пленниц.

Из-под ее черного покрова выбивались темные кудрявые волосы. Ноги женщины путались в запахнутой наглухо длинной черной ризе. И идти ей было явно тяжело.

– Замолчи, ворона! – грек выхватил меч и подступил к говорившей. – Или ты немедленно отправишься в царство Аида, где тебе, похоже, самое место.

– Кому где место – решают боги, – не сводя с воина взгляд, ответила женщина. – Не думаю, что могучему Агамемнону придется по душе, если ты без его разрешения будешь убивать его рабынь. Так что уймись и делай то дело, которое тебе поручили, сообразуясь с твоими способностями. А их, судя по всему, немного, если тебе всего лишь доверили отвести на корабль горстку жалких пленниц.

При этих словах кто-то из женщин не сдержал смеху. Лицо воина побагровело от гнева. Казалось, еще мгновение, и он мечом снесет непокорной троянке голову с плеч.

– Что же ты медлишь? – вновь обратилась к нему женщина. – Ты и в бою был так же прыток? Неудивительно тогда, что тебе не досталось богатой добычи. И твой удел – следить за рабынями твоего повелителя.

– Госпожа, прошу вас, оставьте его, – рыжеволосая девушка теребила строптивую пленницу за рукав ризы. – Он убьет вас, убьет!

– Успокойся, Агава, – отстранила ее черноволосая госпожа, – он ничего нам не сделает. Все, что может этот ничтожный человек, так это браниться и грозно вращать глазами.

С этими словами троянка нетерпеливо тряхнула головой и обратилась уже к свирепому воину:

– Так веди же нас, ахеец, скорее на корабль твоего повелителя. Я устала и хочу присесть. Негоже царской дочери ходить босой по прибрежному песку.

Воин, казалось, раздумывал, что же предпринять: отмахнуть ли змееречивой пленнице голову широким мечом или все же внять голосу рассудка и смириться с ее оскорблениями. Он прекрасно знал злобный и мстительный характер Агамемнона. Грозный царь Микен хватался за меч, прослышав о ничтожнейших проступках своих слуг. А здесь бы речь пошла об убийстве благородной пленницы. В том, что она весьма ценна и благородна, воин нисколько не сомневался. Когда он забирал троянок из кущи Атрида, чтобы отвести их на корабль, стражник указал ему на худую, закутанную во все черное женщину, которая теперь откровенно насмеялась над ним, Лином. Над ним, кто десять лет воевал под этим проклятым городом, кто не знал все это время покоя ни днем, ни ночью. Над ним, кто каждый вечер ложился спать, держа свой

верный меч у изголовья. Так, чтобы его можно было мгновенно схватить. Кто участвовал в добром десятке штурмов и один раз уже почти ворвался в город. И только вмешательство богов, не дававших им столько лет победы, помешало ему тогда сделать это. Кто едва выскользнул из-под разящего копья Гектора, сошедшего, как казалось, из сонма бессмертных – так могуч и неуязвим он был. Кто всем этим должен был заслужить к себе хотя бы малейшее уважение...

Так вот, стражник указал ему на эту ворону и произнес:

– Ее со спутницами отведешь на царский корабль. Ты понял, Лин?

Как будто он, Лин, страдал непонятливостью. Зачем было лишний раз напоминать ему, что он всего лишь простой воин, каких немало полегло здесь, под стенами Трои за прошедшие годы? И чьи жизни ценились весьма дешево, слишком дешево. Возможно, даже дешевле, чем жизнь этой царственной пленницы. Лин не знал точно, кто она, он знал только имя – Кассандра, но догадывался, что здесь не обошлось без Приамовой крови. Говорят, жалкий старик, каким он был последние годы и каким принял смерть, успел наплодить столько детей, что их не мог вместить огромный дворец в верхнем городе. И эта то ли пророчица, то ли безумица – впрочем, одно другому не мешало – наверняка была одной из его дочерей. Не случайно стражник выделил ее из остальных пленниц. Да к тому же повелел доставить на корабль самого Атрида. Такая честь не выпадает простым рабьям. Нет, он, Лин, не хочет, чтобы его самого лишили жизни из-за этой строптивицы. Тем более сейчас, когда спустя несколько дней он будет дома и увидит свою мать, если она, конечно, жива, и жену – красавицу Ино. Как бы ни хотелось ему одним взмахом отсечь эту голову в черном платке – меч с легкостью перерубил бы тонкую шею женщины, – он не будет этого делать, он сдержит свой гнев.

Лин опустил меч и резким движением, словно пронзал кого-то, загнал его по самую рукоять в ножны. Чтобы успокоиться, он с почти физическим усилием, как будто его взгляд, как муха к смолисту еловому бревну кущи, прилип к горящим, точно уголья, глазам пленницы, оторвал его от ее лица и посмотрел на то, что творилось вокруг него на давно обжитом греками троянском берегу.

Берег этот, словно развороченное осиное гнездо, кипел движением. Тысячи людей сновали туда и сюда. Сотни кораблей были спущены на воду. Они заполнили все побережье, скрыв от взгляда море. С некоторых на сушу перекинута были мостки. До большинства приходилось добираться по пояс в воде. Впрочем, это никого не смущало. Воины поднимали свою поклажу над головой и брели в воде к кораблям.

Наземный лагерь был почти полностью разрушен. В куцах царей и героев властвовало запустение, видимое даже издали. Весь берег был завален военной добычей. Несметные богатства лежали на голом песке: дорогая царская одежда и утварь, грозные доспехи, на полированных гранях которых играли лучики жаркого полдневного солнца, оружие, горы и горы оружия, которым, возможно, были убиты многие славные ахейцы, ритоны с вином и маслом – все это в беспорядке громоздилось кучами на берегу. И между всем этим добром единой живой массой сновали люди – стотысячное войско победителей.

Одни жарили на огне туши тельцов и баранов, чтобы воинству было чем кормиться во время морского перехода. Другие были заняты тем, что перетаскивали на корабли захваченные трофеи. Гул голосов, взрывы смеха, шуршание волочимых по песку тюков с тяжелым содержимым, треск смолистых веток в кострах – все это смешивалось с шипением набегающих на берег волн и скрипом корабельных снастей в абсолютно неопишуемый оглушающий шум, имя которому было Победа.

И прошедшие годы уже казались чем-то далеким, почти нереальным: бои, атаки, каравулы, ночные вылазки и погребальные костры – все это было позади. Люди простили богиням судьбы все. И теперь единственным их желанием было как можно скорее отплыть отсюда к родным берегам, навсегда покинув долго сопротивлявшуюся их натиску, но все же поверженную Трояду.

– Живей на корабль, отродья Тифона, – рявкнул Лин, очнувшись от раздумий, и, как и все остальные, вновь заразившись общим настроением спешки и веселой, яростной одержимости.

Пленница в черном опустила взгляд и безропотно пошла по песку вслед за воином. Казалось, она тоже стремилась, чтобы все это скорее закончилось. И свершилось неизбежное – ее со спутницами погрузили наконец-то на корабль, где она сможет сесть и отдохнуть, где ей дадут воды, а, возможно, если опьяненные предвкушением скорого свидания с родными воины окажутся добры, и разбавленного водой вина. И она удовлетворит свою жажду, погасит тот внутренний жар, который испепеляет ее сейчас изнутри, выжигая все чувства и воспоминания. Все, что произошло с ней до этой минуты, вся ее жизнь в отцовском дворце – все казалось сейчас призрачным, задернутым почти непроницаемой пеленой. Зато будущее, то, что должно случиться завтра, через год, через сто, тысячу лет выступило неожиданно ярко и красочно, как будто она смотрела на эти события орлиным взглядом с вершины холма.

Как бы она хотела приглушить эти видения. Как желала, чтобы они исчезли и не мешали ей просто жить. Позволили спокойно и безропотно, как и подобает царской дочери, пройти последние шаги ее быстротечной и безрадостной жизни. Не отягощали ее гордыней знания, которое так и не принесло ей счастья.

Может быть, вино поможет ей смириться с той участью, которая ей уготована? Только бы воины на корабле Агамемнона оказались хоть немного милосерднее этого безумного грека, который широкими шагами ведет их по горячему песку. Он не понимает, что они просто-напросто не поспевают за ним, крепким воином. Что они устали и хотят пить. А от кущи Атрида, где они провели все последние недели, до его корабля оказался немалый путь. Но где ему понять и пожалеть женщин, если он не видел свою жену уже десять лет? И все эти годы знал лишь рабынь, достававшихся ему после его повелителя, которые безропотно сносили все унижения, ни на что не жалуясь и ничего не прося.

– Эй, Лин, ты куда тащишь эти сосуды злословия? На царский корабль? Разве ты не знаешь, что рабынь нужно грузить на другие корабли? А? Или тебе нужно повторять дважды, чтобы твоя голова что-то сообразила? – молодой ахеец, преградивший путь всей процессии возле мостков, ведущих на украшенный золотой резьбой корабль, говорил столь напористо и без пауз, что не давал воину, сопровождавшему женщин, даже рта раскрыть. – Ты хоть понимаешь, сколько у меня, начальника охраны великого Агамемнона, сейчас забот? А? Ты хоть можешь себе представить, что мне сейчас, перед самым отплытием, совсем не до того, чтобы, как простому воину, распределять поклажу на корабли? Тебе нужно объяснять, что в мои обязанности вовсе не входит рассаживание пленниц? Отведи их на корабли с воинами, пусть они скрасят им дорогу домой...

Пленница в черном оглянулась вокруг. Она и не заметила, как их казавшееся бесконечным путешествие закончилось. Волны плескались почти у ее ног. Огромный крутобокий царский корабль по прорытому в песке каналу был подведен к самому берегу. На него ничего не грузили. С царем должна была плыть лишь личная охрана да немногие, самые ценные вещи из тех сокровищ, что достались вождю войска за долгие годы набегов на окрестные города и особенно – после падения самой Трои.

Корабль казался пленнице спасительным местом. После раскаленного песка, который немилосердно жег ей ноги, смолистый деревянный помост на носу манил, словно мягкое ложе. Скорей бы опуститься на него, присесть и забыть хотя бы на время обо всем, что свершилось и чему еще только предстоит свершиться.

– Хайрэ! – наконец-то сумел вставить слово в бесконечный монолог охранника коренастый воин. – Так, кажется, нужно начинать разговор?

– Да как ты смеешь прерывать меня! – юный охранник чуть не задохнулся от гнева.

– Уймись, Марсий, – махнул рукой воин. – Был бы ты столь же опытен в бою, как в искусстве красноречия, мы бы взяли Трою давным давно. Чем зря расточать слова, проведи-ка

лучше этих женщин на корабль. Поверь, я знаю, что делаю. И мне даны точные указания доставить их именно сюда. Это не простые пленницы: среди них царская дочь. Я имею в виду отродье Приама, – тут же оговорился Лин, взглянув исподлобья на своего собеседника. – Кассандра, – он ткнул пальцем в сторону закутанной в черное рабыни, – и ее служанки. Не думаю, Марсий, что великий Агамемнон возрадуется, когда узнает, что ты отправил самую драгоценную из его рабынь на утеху простым воинам. Так что лучше попридержи-ка свой длинный язык, который хлещет лучше всякого бича, и отведи пленниц на корабль. А у меня еще много других дел. Как «простому воину», – в хриплом голосе неуклюжего ахейца неожиданно появилась нотка издевки, – мне, в отличие от тебя, Марсий, как раз нужно «распределять поклажу по кораблям».

Сказав это, Лин тяжело повернулся и пошел прочь, в ту сторону, где находилась куца его властелина и откуда он только что привел измученную стайку троянок.

Красавец Марсий только фыркнул в ответ, но не нашелся что возразить. Бойким взглядом окинул он женщин, тут же переведя свое красноречие с Лина на них.

– Давайте, давайте, Скиллы и Харибды, нечего здесь топтаться, – заторопил он их, бесцеремонно подталкивая на мостки. – Всем на нос, на помост. Там сидеть и не издавать ни звука, пока вас о чем-нибудь не спросят.

– Тебя пока что тоже ни о чем не спрашивали, ахеец, – Кассандра подняла на Марсия тяжелый взгляд глубоко запавших глаз. – Может, и тебе стоит помолчать? От твоего пустозвонства у меня уже болит голова.

– Да как ты смеешь мне указывать? – Марсий осекся, его дыхание прервал нахлынувший гнев.

Сильной рукой он схватил женщину за плечо, до боли сжав его.

– Ни тебе командовать мною, царской дочерью, слуга! – возвысила голос Кассандра. – Когда я буду заслуживать наказания, меня накажет владыка народов Атрид Агамемнон. А ты лишь должен следить, чтобы мне было удобно на его корабле, что повезет меня навеки на ненавистную чужбину.

– Это мои-то родные Микены ты называешь ненавистными? – несколько успокоившись, сердито воскликнул Марсий, ослабив хватку на плече женщины и с силой подтолкнув ее в спину вверх по мосткам.

Кассандра споткнулась от толчка, едва не упав, но удержалась на ногах, подхваченная за талию верной Агавой. Вместе они побрели неуверенными шагами сухопутных людей, впервые ступивших на уходящее из-под ног дерево мостков, вверх на корабль. Охрана Агамемнона завела пленниц на помост, сооруженный на носу судна. Им дали воды и оставили в покое.

Даже на стоящем у самого берега корабле было прохладнее, чем на раскаленном песке Троады. Легкий ветерок обдувал женщин, время от времени бросая им в лица мелкие соленые морские брызги. Кассандра чувствовала, как, сливаясь в крупные капли, они, словно слезы, текут у нее по щекам. Хотя, может быть, то и вправду были слезы. Сейчас дочери Приама меньше всего хотелось это выяснять. Она знала, что ее жизнь в Ойкумене заканчивается – так бесславно и бесполезно, как и было предсказано. Так не все ли равно, плакала она, готовясь к переходу в мрачное царство Аида, или нет? Довольно и того, что этого не заметили ее верная служанка Агава и другие женщины из дворца. Ведь они тоже могут расплакаться. А им вовсе ни к чему сейчас лить никому не нужные слезы, поднимать крик и лишний раз дразнить воинов, и без того раздраженных от свалившейся на них в последние дни перед отплытием домой работы.

Впрочем, ее спутницы, похоже, уже полностью успокоились. Прохладное дерево корабельного помоста, свежий ветерок и несколько глотков воды восстановили их силы и развязали языки.

– Ты знаешь, Агава, – обратилась к рыжей служанке сидевшая рядом с ней полногрудая толстушка, – я еще никогда не покидала Трои. Интересно, какие они, эти Микены? Ты хочешь посмотреть другие города?

– Я хочу, хочу, – вступила в разговор одна из сидевших позади Кассандры и потому не видимых ей девушек. – Особенно, если владыка Агамемнон будет столь добр, чтобы оставить нас на услужении в своем дворце. Как ты думаешь, Медея, это возможно?

– Полагаю, что именно так и будет, – напустив на себя пророческий вид, произнесла пухлая Медея. – Во дворце Атрида наверняка много благородных и прекрасных воинов. Таких, как этот Марсий, что встретил нас на корабле. Если они примут нас на свои ложа, мы сможем стать им достойными спутницами. Ведь мы выросли в царском дворце и знаем, как нужно вести себя в обществе героев.

– Да, да, – вновь подала голос предыдущая девица, – я тоже думаю, что мы сможем получить все то, чего заслуживаем.

Остальные женщины при этих словах одобрительно загалдели. Их разговор быстро перекинулся на обсуждение мужества и мощи благородных микенцев, того, как нужно себя вести, чтобы угодить их вкусам, и как – лучше всего еще на корабле, во время плавания – добиться расположения кого-либо из приближенных вождя Агамемнона, чтобы наверняка, заручившись его поддержкой, остаться во дворце владыки Микен.

Разговор женщин журчал и переливался разными голосами, как горный ручей возле крепостной стены, к которому Кассандра еще ребенком любила ходить на прогулки. Весело звеня, стекал он с отрогов Иды, впадая в бурный и многоводный Ксанф. И нынешняя болтовня служанок о новой жизни, которая ждала их в далеких Микенах, так напоминала ей неугомонную веселость и беспричинную радость того ручья.

– Может быть, так и надо? – почти беззвучно прошептала она солеными, то ли от слез, то ли от морских брызг, губами. – Заглядывать в будущее не для того, чтобы узнать, а для того, чтобы лишь предположить? Кому нужны эти пророчества, если они только умножают печаль?

– Вы что-то сказали, госпожа? – бледное лицо привставшей с колен Агавы озабоченно склонилось над ней. – Принести вам еще воды?

– Нет, нет, Агава, спасибо, ничего не надо, – торопливо пробормотала Кассандра. – Отдыхай. Впереди у нас долгий путь. И тебе нужно сохранить для него силы.

Служанка вновь опустила на корточки возле своей хозяйки. А сама Кассандра подняла глаза над бортом корабля и окинула прощальным взглядом родной берег, который ей вскоре предстояло покинуть навсегда.

Вся прибрежная полоса насколько хватало глаз была забита бочками, тюками и корзинами. Вокруг них суетились толпы людей, стремившихся поскорее утащить все это богатство на свои корабли, чтобы без промедления отплыть на родину. И, как обычно бывает, когда хочешь сделать что-то быстро и сноровисто, все получалось медленно и бестолково. Тюки развязывались, когда их поднимали, и из них вываливались на песок доспехи, кубки и прочая утварь для брани и домашнего очага. Когда бочку, прокатив ее несколько сот локтей вдоль берега, наконец-то готовы были взгромоздить на корабль, оказывалось, что это совсем не тот корабль, для которого она предназначалась. Причем тот, куда ее надо было доставить, находился как раз там, откуда ее только что прикатили.

Ритоны с вином и маслом, словно живые, так и норовили выскользнуть из неловких рук ахейских мужей, огрубевших от многолетней войны. Жарящееся на кострах мясо подгорало прямо на глазах у поваров. Веревки лопались, корабельные мостки срывались с бортов. Казалось, троянская земля не хочет отпускать пришельцев домой, удерживая их всеми своими силами, цепляясь за малейшую возможность отсрочить отплытие, производя разрушения и сея хаос.

Впрочем, во всей этой толчее и кутерьме была точка спокойствия и порядка. Взгляд Кассандры привлекла небольшая группа людей, направлявшихся вдоль берега в сторону корабля, где она находилась. По мере того как они приближались, дочь Приама могла рассмотреть их все лучше и лучше.

Впереди всех шел легким размеренным шагом стройный юноша в сверкающих на солнце доспехах. Белоснежная грива его шлема факелом развевалась над головой. Юноша не имел при себе ни копья, ни щита. Лишь меч был пристегнут к его поясу. Незнакомец на ходу показывал рукой то в одну, то в другую сторону, очевидно, отдавая не слышные из-за расстояния приказания. И, точно по волшебству, все в его присутствии начинало ладиться. Тюки больше не развязывались, ритоны словно прилипали к ахейским ладоням, а бочки катились по мокрому у берега песку, как будто по твердой дороге, идущей к тому же под уклон.

Юноша размахивал руками, явно требуя от воинов поторопиться. Похоже было, что только он сохранил во всей этой суматохе ясность мыслей и понимание того, что же, собственно говоря, надо делать, чтобы поскорее отплыть от этих постылых берегов.

Вслед за юношей, почтительно отставая от него на полшага, шел могучий воин, также в броне, но без шлема. Он все время подобострастно пригибался, стараясь казаться ниже своего молодого спутника, хотя на самом деле на добрую голову превосходил его ростом. Чуть в отдалении за этой идущей широким шагом парой почти бегом трусили несколько стражников, готовых в любое мгновение помчаться выполнять какое-либо поручение своих повелителей.

Вскоре к процессии присоединился еще один человек – среднего роста, с курчавой бородой. Его роскошные доспехи выдавали в нем одного из греческих царей. Даже после разграбления Трои простой воин не мог бы позволить себе столь богатый боевой наряд. К тому же, растолкав свиту, вновь прибывший бесцеремонно пристроился возле начальственного юноши.

С нарастающим чувством страха и любопытства Кассандра наблюдала за этой группой. Еще несколько мгновений, и они подошли так близко, что с борта корабля можно было отчетливо различить их голоса.

– Эй, Агамемнон, – звонким, не терпящим возражений голосом воскликнул юноша, обращаясь к рослому ахейцу, подобострастно шагавшему рядом. – Доколе мне объяснять тебе, что груз распределять ты должен равными долями меж кораблей? Я начинаю сомневаться в мудрости твоей, микенский царь. Ты знаешь, не стоит злить меня...

– Только не гневайся, прошу тебя, – забасил могучий грек, стараясь все время глядеть юноше прямо в глаза.

Сделать это ему, идущему на полшага позади своего собеседника, было невероятно трудно. Да к тому же юноша постоянно вертел головой то в ту, то в другую сторону, раздавая приказания.

– Эй, дурни, – кричал он кому-то, – вы куда намерены вкатить все эти бочки? Быть может, вы мните, что утлый челн ваш размером с олимпийские чертоги? Катите их туда, на тот корабль, что возвышается над морем выше Иды, а значит, ему не помешает лишний груз.

– Живей, живей! – поминутно бросая на юношу преданные взгляды, рычал на неуклюжих воинов Агамемнон.

– А ты куда? – останавливал юноша уже другого грека, пытавшегося в полном боевом вооружении протиснуться на мостки корабля. – А ну-ка, оставь копье и щит – и быстро на погрузку. Я вижу, ты не прочь свалить работу тяжкую на плечи тех, кто рядом...

Под взглядом юноши воин съезжился, осел и, воткнув копье во влажный прибрежный песок и прислонив к нему кожаный щит с медными полосами, он, пригибаясь, побежал к своим приятелям, которые тащили волоком по берегу огромные тюки с награбленным в захваченном городе добром.

– Наверное, я никогда не снаряжу вас в путь ваш долгий! – воскликнул юноша, воздев в наигранном отчаянии руки к небу.

При этом он укоризненно покачал головой, извергнув очередной поток льстивых слов из уст Агамемнона. Тем временем взгляд юноши упал на корабль, мимо которого он сейчас проходил. На носу его сидела жалкая кучка женщин. Одна из них, закутанная во все черное, не сводила с юноши напряженного взгляда. Их глаза встретились. На какое-то мгновение оба замерли, как будто стремясь проникнуть в души друг другу. Затем женщина, не в силах более сопротивляться энергии голубых насмешливых глаз юноши, опустила обессиленный взгляд.

– Так это твой корабль, могучий царь? – небрежно бросил Агамемнону юноша, кивком указав на крутой борт.

– Да, именно так, – подтвердил Атрид.

– Поднимемся, пожалуй, – скорее приказал, нежели предложил юноша.

– Это огромная честь для меня. Я безутешен от того, что не приготовился к твоему прибытию, – засуетился царь Микен, забегаая вперед гостя и низким поклоном приглашая его к мосткам.

– Ах, какой красавчик, – девичий шепот вывел Кассандру из оцепенения. – Какие изящные ноги. Вы заметили? Какая благородная осанка. А талия какая! Он прекрасен, словно... словно... бог Аполлон.

– Кого это ты имеешь в виду, толстушка Медея? – спросил насмешливо другой голос. – Уж не владыку ли народов Агамемнона? Или, быть может, царя Итаки – хитроумного Одиссея, что идет рядом с ним?

– Брось, глупая, – возразила Медея, – ты прекрасно понимаешь, что я говорю об этом юноше, что сейчас поднимается на наш корабль. Ах, если бы он поплыл на нем в Микены вместе с нами. Может, он выбрал бы кого-нибудь из нас себе в рабыни. Если бы великий Атрид позволил ему забрать нас. Служить такому господину, наверное, слаще, чем вкушать божественный нектар...

– Увы, Медея, вряд ли он выберет кого-то из вас, – устало и отстраненно, как будто разговаривала сама с собой, произнесла Кассандра.

– Это почему же? – в голосе пухленькой Медеи явно чувствовалась обида.

– Да потому! – неожиданно вступила в разговор рыжеволосая служанка Агава. – Ты видела, как унижается перед этим красавцем сам великий Агамемнон? Неужели ты думаешь, что столь великий воин и могущественный царь, каковым он без всякого сомнения является, раз сам владыка народов ищет его расположения, неужели ты думаешь, Медея, что его может заинтересовать какая-то толстая кухарка вроде тебя? Нет, если уж он и выберет кого, так только царскую дочь, не меньше. Это и имела в виду госпожа. Правда, ведь?

Произнеся это, рыжая девушка преданно заглянула в глаза Кассандре, ожидая заслуженной похвалы за проявленную ей мудрость.

– Что ж, Агава, годы, что провела ты, прислуживая мне, не прошли даром, – с улыбкой вздохнула Кассандра. – Ты стала проницательной и скоро, наверное, сможешь пророчествовать не хуже, чем я. Хотя, признаться честно, я не совсем то имела в виду, что ты сейчас сказала. Думаю, этот юноша не будет заинтересован даже и царской дочкой...

Она осеклась, вновь не будучи в силах оторвать взгляд от необыкновенного гостя Агамемнона. Между тем юноша, забыв, очевидно, на время о хлопотах отплытия, шагнул на корабль царя Микен. Грубые доски мостков со скрипом прогнулись, как только изящная, словно вырезанная из прекрасного розового мрамора нога в тонкой работы маленьких позолоченных сандалиях шагнула на них.

Юноша взошел на борт. Его легкие с виду шаги, однако, заставили могучий корабль глубоко осесть в воду, как будто страшная тяжесть давила на него. Незнакомец в сопровождении Агамемнона и Одиссея стремительно прошел на нос, к сидящим на помосте пленницам. Его

молниеносный взгляд быстро нашел среди них ту, что так пристально смотрела на него мгновение назад, когда он был на берегу. Ту, что закутана была во все черное. Ту, что вечно доставляла всем одни только неприятности, обиды и огорчения. Ту, что так никогда и не смогла по воле богов воспользоваться своим даром предвидения. Ту, которая при этом никогда и ни в чем не ошибалась и которая сейчас, за считанные дни до своей гибели, пронзила мыслями грядущие столетия.

– Что ж, наконец мы встретились, Кассандра, – произнес юноша, уставив насмешливый взгляд голубых глаз на несчастнейшую из дочерей Приама. – И каково тебе сейчас, девица? Довольно ты гадостей накаркала уже? Или еще остались у тебя в запасе?

– Отвечай, ворона, когда тебя спрашивают! – рявкнул Агамемнон, явно стараясь угодить юноше.

– Уймись, Атрид, – оборвал его незнакомец, по-видимому, недовольный столь бесцеремонным вмешательством в его разговор с пленницей.

Резким движением он сорвал с головы сияющий гривастый шлем, разметав по плечам волны пепельных волос.

– Возрадуйся же, Афина, – гордо вскинув на богиню взгляд, твердо произнесла Кассандра.

Рука могучей дочери Зевса легла на рукоять меча у пояса.

– Все вышло именно так, как ты и замышляла, ненавистная Паллада, – продолжила черная дева, которую под тяжелым взглядом богини начал сотрясать озноб. – Троя разрушена, храбрейшие из ее защитников пали в бою, остальные перебиты в своих домах. Царские дочери стали рабынями ахейских вождей. Чего же тебе еще надо от меня, совоокая богиня? Радуйся.

Афина при этих словах звонко расхохоталась, но продолжала испепелять Кассандру своим ледяным взглядом.

– Эй, мой милый, – бросила она через плечо, не оборачиваясь, царю Итаки, – сходи-ка за моею колесницей. Ее оставила я в дальней роще, где Ксанфа русло упругой изгибается дугой.

– Будет исполнено, – Одиссей почтительно склонил голову и помчался прочь с корабля.

– Это верно, – продолжила свой разговор с Кассандрой Афина, – один твой, Кася, вид в меня вселяет радость. Недолго же тебе осталось каркать на этом свете, бесполезная колдунья.

Кассандра сжалась в комок. Она не в силах была более выносить насквозь, казалось, прожигающий взгляд этих холодных и прекрасных, как у самой Горгоны Медузы, голубых глаз. Царевна опустила взгляд, прикрыла голову руками, ясно давая понять, что признает свое поражение, что не ей, ничтожной смертной, тягаться на равных с любимой дочерью всемогущего Зевса. Она мысленно молила Афины только об одном – чтобы та ушла, отпустила ее, дала ей спокойствие накануне стремительно приближающейся гибели.

Но богиня с явным наслаждением продолжала экзекуцию. С презрением ткнув дрожащую всем телом Кассандру своей прекрасной ногой, она продолжила расспросы:

– Помог тебе твой дар в борьбе со мною? Отвечай. Быть может, ты принесла кому-то счастье, о котором я не знаю? Дела твои, презренная девица, заслуживают большей кары, чем та, что ждет тебя в Микенах. Ну да ладно! Мы боги и должны уметь прощать. И все ж ответь мне, Кася, как чувствуешь себя сейчас?

– Ты сама однажды поймешь это, Афа, – пробормотала сжавшаяся в комок и почти физически раздавленная взглядом богини Кассандра с залитым горькими слезами лицом. – Не будет вечным царство великого Зевса. В последние дни мои он дал мне силу проникнуть взглядом сквозь века. Знай же, беспощадная Паллада, что через пятьсот лет подвиги героев под Троей воспевает в своих песнях слепой старец. А еще спустя три столетия в главном городе Эллады, названном именем твоим, на горе воздвигнут в твою честь величественный храм, равных которому не будет во всей Ойкумене...

– Ой, что-то мне пока не страшно, ворожея, – насмешливо прервала ее Афина.

– Но еще через пятьсот лет, – возвысила голос Кассандра, уже без всякой опаски подняв на великую богиню свои почти безумные в это мгновение глаза, – наследник отпущенного тобой из Трояды Энея позволит казнить на кресте того, с кого начнется конец царства богов-олимпийцев, ибо он положит начало новой вере. И не будет вам тогда нигде пристанища, как мне сейчас. Только, к несчастью для вас, вы бессмертны. И вам суждено будет пережить свою паству и увидеть, как люди отвернутся от вас. И даже ничтожный старый пастух прогонит тебя, серебряная богиня.

Глаза Афины потемнели от гнева, ее рука сжала рукоять меча с такой силой, что, казалось, вот-вот послышится пронзительный звук лопающейся меди.

– Зато твой век прервется очень скоро! – прогремела богиня, нависая над вконец обесилившейся и вновь опустившей глаза дочерью Приама.

– Тебе стоит только приказать, моя повелительница, – пробасил из-за спины Паллады могучий Агамемнон. – Мы эту бесстыжую псицу вмиг отправим в царство мрачное Аида. Камень к ногам – и в воду. Одно твое слово, светлоокая дочь Зевса.

– Оставь, микенец, – богиня с явным усилием сняла руку с меча. – Пусть все свершится так, как предначертано судьбою.

В этот миг на корабль вновь вбежал кудрявый царь Итаки. Если бы у Кассандры хватило духу приподнять голову и заглянуть через борт, она бы увидела роскошную резную золоченую колесницу, которая, едва касаясь воды золотыми ободами колес, стояла возле корабля прямо на морской глади. В колесницу были запряжены два огромных вороных коня, выбивающих копытами пену из набегающих волн. Дочь Зевса, все еще гневная, обернулась на шум шагов. Но взгляд ее моментально смягчился, когда увидела она перед собой Одиссея.

– А, это ты, мой милый, – с улыбкой кивнула она. – Видать, ты очень торопился, коль колесницу ты мою пригнал так живо, – богиня обернулась к Агамемнону: – Что ж, в помощи моей ты больше не нуждаешься, я вижу. Все корабли твои к отплытию готовы. Прощай.

– Прощай, – как эхо повторил владыка великих Микен.

– Едем, – бросила Паллада Одиссею. – У нас с тобою куча дел осталась.

Произнеся это, богиня прямо с борта низко просевшего под ее мощью корабля спрыгнула на свою колесницу, отчего корабль, словно поплавок, с которого убрали груз, высоко выпрыгнул из воды и свободно качался на волнах. Привычный к штормам Одиссей устоял на ногах и тут же последовал за богиней. Волшебные кони умными глазами покосились на седоков и, поняв, чего от них хотят, во весь опор пустились прямо по волнам вдоль берега к хорошо знакомой им куче царя Итаки, выбивая из-под могучих копыт белую морскую пену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.